

ANN FON LUGER

ПРИЗРАКИ
ПЕТРОГРАДА

1922-1923

Ann fon Luger

**Призраки Петрограда 1922
—1923 гг. Криминальная
драма. Детектив**

«Издательские решения»

fon Luger A.

Призраки Петрограда 1922—1923 гг. Криминальная драма.
Детектив / А. fon Luger — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907804-9

Петроград в эпоху Новой Экономической Политики. Еще не погасли пепелища Гражданской войны, северную столицу захлестывает новая волна криминала. Сергей Кондратьев и его 1-ая Бригада, идут по следам безжалостных убийц. Ценой собственных жизней, сыщики вступают в яростную схватку с бандитами и «Королём» преступного мира, Ленькой Фартовым.

ISBN 978-5-44-907804-9

© fon Luger A.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1. Пролог	7
2. Пробуждение	8
3. Знакомство	12
4. Проклятие мертвецов	14
5. Марухи	16
6. Мими	20
7. Золотых дел волочильщики	26
8. Белка «самочинщик»	30
9. Кокильеры	34
10. У меховика	39
11. Инспектор	42
12. Недобитый аристократ	47
13. Белая Чума	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Призраки Петрограда 1922—1923 гг. Криминальная драма. Детектив

Ann fon Luger

Я надеюсь, что герои этого исторического детектива выглядят реальными людьми, но я надеюсь также, что никто из моих читателей не заподозрит, будто они действительно реальны. Это художественное произведение, основанное на реальных событиях.

Дизайнер обложки Альмира Кутдусова
Корректор Марина Кудрявцева
Дизайн обложки Кирилл Галеев-Фомичев

© Ann fon Luger, 2018

© Альмира Кутдусова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7804-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарю за помощь в предоставлении исторических материалов Константинову Татьяну Олеговну, действующего сотрудника ГУ МВД РФ по СПб и ЛО. А так же Федосова Александра Валентиновича, ведущего специалиста-эксперта Отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом МВД по Республике Карелия.

От автора

Сейчас перед тобою, читатель, отрывки из прошлого забытых героев Петрограда. Все они разные, с минувших годов. И сколько б историй не сказано было, им есть всегда нового что тебе рассказать! Так же, как ты, они любили, страдали, надеялись. Судить о них будешь сам, выбирая, кто тебе ближе по духу, а кого отстранишь.

Каждый из них, будь то реальный герой или вымышленный, нарочито представится тебе в разном свете, дабы оживить лучшие струны тебя самого. Ты будешь знать об их чувствах и жить вместе с ними, хоть на мгновения. Герои примером своим к сознательности пусть тебя приучают или подскажут как поступить.

Роман сей не обольстит, напротив, миром своим отрезвить тебя попытается. Вернувшись, покажет, как раньше устроен был быт. И чтоб в твоей жизни бывало все меньше ошибок, ответы уж в прошлом найдешь составлении.

В отличие от многих бездумно благоденствующих, читатель мой, раскрой в досужий час эти строки. Среди призраков прошлого обрети душевную усладу, нескончаемые клубки человеческих событий и переплетенья судеб людских распуская. А может, исполнят они, эти «Призраки Петрограда», заветную твою мечту?

Благодарю за помощь в предоставлении исторических материалов Константинову Татьяну Олеговну, действующего сотрудника ГУ МВД РФ по СПб и ЛО. А также Федосова Александра Валентиновича, ведущего специалиста и эксперта отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом МВД р. Карелия.

1. Пролог

Спавший привычно у печки, он вдруг проснулся, будто бы дверь в косую избу его всю ночь была приоткрыта и вокруг все сковала белая стылъ.

Действительно, ветер мотал сквозняком скрипучие петли. Он встал во весь рост в небольшой восьмиаршинной избенке и потянулся. Позади слышал он вновь тихие почти всхлипывания. Зашагал босыми ногами по влажному, с раскиданным сеном полу. Взялся за мерзлую скобу, потянув на себя расшатанную дверь.

В комнатке горели свечи: их было много. Он увидел черное пятно, похожее на домовину, у изголовья склонилась и всхлипывала, стенала изможденная мать.

– Ступай! С сестрой попрощайся! – И в спину его тихо толкнули.

Он робко шагнул по скрипучему полу:

– Черт тебя задери! – так клял он себя. Половица под ним взвизгнула, потом вторая, третья. Так до самого гроба.

В нос ударил неприятный запах. Так пахло мертвое тело, таял воск свечей, стекая на пол пятнышками.

Мать вдруг куда-то исчезла. Он глянул на сестру: совсем как живая.

Слезы застили глаза, в горле просохло. Он припал к ней, взмолившись:

– Тануля, вставай! Ты живая!

Как вдруг за спиной слышал он звуки. Так плакальщицы все забожили:

– На покойницу-то разумши! Худу быть!

Он поднял голову: у сестры медленно начал открываться рот, лицо исказилось, становилось постепенно вдруг взрослым.

Он в ужасе обернулся – вокруг никого! Все разом поплыло перед очами, и свечи вдруг разом потухли.

Он достал спички и свечу из кармана, зажег ее и поднес к гробу.

Сестры уже там как не бывало. И резко отпрянул, в гробу увидев себя самого вместо покойницы!

2. Пробуждение

– Ленька, штым ты кудлатый! Вставай, а то всю жизнь проспийшь!

Пантелкин открыл глаза и сел на кровати. «Приснился кошмар», – пришла в голову первая мысль.

Дед потрепал его за плечи.

– Ну ты, примусник, поаккуратнее, а то я и вмазать могу! – огрызнулся Пантелкин.

– Рожна тебе! Не суди старикашку! – дед Пафнутий с аппетитом хлебал стылую мурцовку. – Когда твои чижики-то придут? – спросил старик, облизывая ложку.

– Ты, Дед, не шухари напраслину, – отрезал Леня, затыкнулся «Дукачьом», пуская дым Деду в лицо, – свари мне лучше кофий.

– На горсточку и станется, маненько...

Дед возвел глаза в потолок: «Учи ученого! Что я, шкет на побегушках?! Не буду больше тебе собить!» – раздумывал старик. Однако же повинился, зашаркав по коридору в сторону кухни.

Дед Пафнутий был тщедушным старикашкой со слезящимися бегающими глазками. Еще до революции Пафнутий был известен в тесных кругах по кличке Дворянин. После октября семнадцатого, скупая краденое, заделался мантие, в простонародье – перетырщик.

Блатные элементы с ним покамест считались, и не зря, ведь равных в своем деле Деду не было. Потом что-то в жизненном повествовании у Деда пошло не так. Он фрак сменил на фартук. Все стали звать его просто Дедка.

Пафнутий вечно суетился, хлопотал, торопливо носился с примусом туда-сюда, порой нетвердо держался на ногах, нередко задевая дверные проемы то локтем, то коленом. И постоянно жаловался на вшей, подагру и ревматизм.

Когда его спрашивали: «Опять насударился?» – «Никак нет-с», – отвечал он. Лукавил.

Дед нередко любил раздавать советы под хмельком, однако же очередь за ними к нему не выстраивалась.

Поди и четверть века назад он выглядел точно так же, как и сейчас. И никто не знал, сколько Деду лет в действительности. Жил он на Ямской улице, среди зацветшей пышным цветом малины Лиговки и Семенцов.

Приходили в притон к Деду отдышаться мазы с Песков и Голодая. Дед всех потчевал чаем да русской горькой подпольного розлива.

Ходил в старом зипуне и летом и зимой. Избегал каплюжников, при виде их ошетинился, как облезлый кот.

В общем, вид у Деда был жалкий и никому и в голову не приходило, что тот прожженный барыга-перетырщик.

Леня Пантелкин похлопал Деда по плечу, принимая с рук его дымящийся кофий.

– Сейчас толкнем на толкучке скрад, куплю тебе картузик на меху.

– Да ну тебя! – Дед обиженно махнул рукой, подошел к замасленному окну и отодвинув штапельную занавесь, замер.

Морозное солнце алело и раздвигало свинцовые одежды Никты, нависшие сизой завесой над медленно просыпающимся городом. Оно высматривало Леньку. Сделав пару глотков, тот двинулся ему навстречу, поравнялся с Пафнутием.

Они усталились на мирно спавшую под мерцающими снегами улицу.

В карих глазах Пантелкина чуть проблесками отражался февральский снег. Шел 1922 год. После девяти по Разъезжей рассредотачивались запряженные пролетки с сугулыми возницами, начинали циркулировать по сторонам улиц заблудшие пешеходы.

Вдалеке подкрадывался робкий северный рассвет. Мозг Леньки работал лихорадочно, уста безмолвствовали.

Звон дверного колокольчика вернул его из глубоких размышлений, за его спиной доносились знакомые голоса:

- Нам нужен Ленид Пэ, – раздался баритон из коридора.
- Вы по адресу, – любезничал Дед.

Пантелкин медленно повернулся в профиль, долгожданная встреча состоялась. А он и не надеялся, что так наскоро слетятся красные командиры. Нервы были натянуты до предела. Сердце то и дело выпрыгивало из груди.

В комнату вошли двое. Среднерослый чекист Бениамин Басс и, с ранней проседью тронутыми волосами, Варшулевич.

- Басс, Варшава! – радостно приветствовал их Пантелкин!
- Сколько лет, сколько зим, дружок! – приветствовал Басс.
- Ну обними, что ль?
- А где же Митька? – бросил им Пантелкин.
- По шалманам...

«Тогда в команду не брать...» – только Пантелкин это подумал, вздрогнул вновь дверной колокольчик. Дед засеменил к входной двухметровой двери.

В комнаты ворвался звонкий голос улыбчивого паренька.

- Привет, братики! – звонко приветствовал тот.
- Где ошивался, Гаврюшка?
- За малым приглядывал.
- Что за чижики? – сунул свой нос из дверного проема Дед.

На него даже не посмотрели. И, отмахнувшись, тот засеменил ставить заварки, пока прикус не остыл.

– Варшава вообще вчера вдруг захворобил, а сегодня вона, глянь, чу отлегло? – продолжил Бенька Басс, и в его зеленых глазах играли огоньки.

– Марухи! Как без них... – игриво сказал Ленька, подмигивая отмалчивающемуся в углу Варшулевичу. Тот смутился и что-то проворчал.

- Что случилось, Варшава?
- Злой он. Мать позавчера схоронил. Говорит, отчимом со свету сжилась, – пояснял Басс.
- А ты не лазь не в свое дело! – рыкнул тот.

«Упырюга», – думал Бенька Басс, нервно сплюнув кусочек спички.

– Так! Не собачиться! Дело есть, – утихомиривал всех Ленька. – Сейчас у нас вон там есть штук 20 шароваров от нэповского мануфактурщика, но жрать мы их не сможем, согласны?

Все разом стихли и напряглись с переглядом, словно летал тихий ангел, вознося меч карающий над их головами.

– Ку-ку! – звякая ложками, вошел Дед и внес в комнату поднос. С важностью рачительного хозяина принялся выставлять все его содержимое на стол.

– Пафнутий, ты неутомим! – хвалил его Ленька. – Так вот, вам заданье сегодня потихой распахать этот хлам по своим в обмен на еду или деньги!

Пришедшие переглянулись.

- Голодно. Ну не до такого ж, – заметил Басс.
- Ты ради этого нас сюды приволок?
- Я никого не держу, дверь вона открыта, – кинул Ленька, ища поддержки у Пафнутия.

Тот подмигнул.

И тут вдруг, как обычно, Дед заметался по комнате в поисках чего-то неопределенного, переводя на себя всеобщее внимание. Примусник поднял кверху корявую ладонь, бросился к серванту. Открыл его створки и достал графин водки и пять рюмок.

Сервант, впрочем и все его наполнение, принадлежал дворянским гнездам и жертвам экспроприаций еще при революционной горячке. Безделицы и всякая приятная мелочь, давно оплаканные бывшими владельцами, просто валялись по углам у барыги.

Даже опытному воровскому глазу не за что было здесь зацепиться, все вокруг здесь было чужое, как маска. И создавало лишь эффект временности бытия.

Дед потянулся до графина, где золотом блестели вензеля аббревиатуры графа Давида Максимовича Алопеуса.

– А это еще зачем? – строго спросил Пантелкин.

– Якшаться будем! – пояснил причмокивая Дед. – Графин выдержки сто лет! – У всех засверкали зенки, никто не возразил.

– Располагайтесь да рогалики лопайте. Гляди, скоро и марухи набегут, знамо дело.

– Не, Дедуля, я не пью. А с бабьим племенем ухо остро держать надо, трезво, – отрезал Ленька.

– Истину говоришь, – заметил Варшава.

Дед разлил беленькую по рюмкам. А сам закурил сигарку, отсев на край, наблюдая за гостями с нескрываемым наслаждением, рукой подперев подбородок.

Сам Дед вечно создавал видимость рьяного трезвенника. Даже когда выпивал. А выпивал он редко, и вообще никто не видел его пьяным. Зато над приютом его довлела лихая слава. Наверное, из всех хаз Петрограда только здесь можно было за час смертно надраться и потерять все сбережения, очутившись под утро в ближайшей подворотне еще живым.

Дед избегал пьяных разборок. Поножовщин, мокрушничества у него не водилось. «Воровать – так на сухую», – любил наставлять тот домушников.

– Дед, где золотишко придержал? – спрашивал Ленька.

– Да тшш! Ты о чем?

Притонов в Петрограде было множество. Пафнутию повезло: он занял сразу 5 комнат как раз с Великого Октября, прежние хозяева – аристократы загнивающего бомонда – то ли бежали, то ли в земле сырой лет пять как лежали. Но с любезной предусмотрительностью оставили весь скарб.

И потому первая рюмка у деда всегда была вроде как за них, «общипанных бывших».

– А кто вон в тех комнатах живет? – поинтересовался Басс.

– Сынок, две для собственных нужд, остальной уют сдаю по часам.

– Ну ты и крученный, Дед. Кому сдаешь-то?

– Чего придрался? – поправил Пантелкин.

– Ну ясно кому... Девицам с Газковой на час или залетным, но длительно.

Отдельная кухня с умывальником, все удобства. Шамбары¹ сии никогда не пустовали, там стоял первородный гвалт и частенько хлопали двери. Каждый вечер играла гармоника, из комнат доносился смех.

«Только на керосинки перерасход 12 целковых в месячину», – жаловался Пафнутий постояльцам. «Батенька, протопили бы каминчик! А дрова?» – «Дров нэмае...»

А еще все комнаты вечно тонули в табачном дыму, и это было для хозяина сущей проблемой: «Анафема! Сейчас астма заест!» – «На вот, батенька, на табачок!» – «Тады кутите. Доброго вечерочка!»

С одной только «бядой» не совладать было: пустые бутылки из-под марочного алкоголя стремительно плодились по углам. Оттуда их изредка выносили. На многих из них сплели свои гнезда разнокалиберные пауки, ловившие в свои сети мушек и таранов. Это служило некоей метафорой притона на Ямской, так как нередко у доверчивых завсегдатаев пропадали ценности: гаманочки с мелочью, облигации, крепко замотанные аль в чулок, аль в уездную газетенку.

¹ Шамбары – комнаты, от (Фр., слова chambre).

Ну не все, конечно же, возвращалось с лихвой. Хипес не дремал. Поэтому в милицию никто не бегал жаловаться.

Пропустив первую, она ж «нулевая», как говорилось всегда Дедой, Ленька пил свой жженый кофий, наблюдая за страждущими.

«Терпеть не люблю алкашей», – думал он и невольно вспомнил своего батеньку.

Вспомнил, как тот приходил с работы и по вечерам за ужином пропускал стаканчик и тупыми животными глазиками вечно косился на него.

Охоч был тот батька до выпивки и до баб.

Ленька вспомнил случай более поздний, когда сестра его слегла с непонятной хворью, измученная мать денно и ночью по ней хлопотала, а бати рядом не было.

Усатый папашка уходил «по делам» с дутой харей, зарубцевавшейся от пьяни. И кто бы мог подумать, прямо в стайке их собственного дома целовал пышногрудую доярку, нашептывая ей непристойности. Та вскрикнула, заметив Леньку на пороге коровника, и резко отстранила любовного руками.

Батька бросился было на сына, но портки позорно опутали ноги, и тот тушей рухнул в навоз.

– Убью, змееныш! Токмо попадись-ка мне!

Изловчился, ухватив мальчика за штанину, он начал цепляться толстыми пальцами за его щуплые ножки. Повалились. Доярка редела белугою. Раздавались тумаки.

Ошалев от страха, Ленька зацепился за что-то твердое в стогу сена – это оказались вилы, он резко выдернул их и змеем вывернулся из окровавленных ручищ, вскочил на ноги и направил зубья прямо в заплывшую от пьянки физиономию.

– Отстань от нас, гад! Попробуй только тронь еще мать! Уходи вон из нашей жизни! Иначе заколю! – с этими словами Леня замахнулся, батя прикрыл голову пухлыми руками, обмочившись прямо на штаны.

Ленька отпрянул и, откинув в сторону подальше вилы, бросился куда-то бежать. Из глаз брызнули слезы. Они застилали все вокруг, душили его. Кровь на разбитом лице остановилась. Но Ленька бежал, бежал, бежал неизвестно куда. Вдали он слышал еще рев Клавдии:

– Ва-а-а-аня! Ловите его! Помогите!

Он бежал не оборачиваясь, бежал, казалось, в новую жизнь, из отчего дома, навсегда! Тринадцатилетним мальчишкой, он даже не предполагал, что горькая чаша еще не распита и нас преследует та дорога, от которой тщетно бежим.

3. Знакомство

– Так зачем же ты нас сюда позвал? – переспросил сизый Варшава, как всегда насупившись. Компания, изрядно разгоряченная спиртным, уже весело смеялась над шуточками Деда, вдруг Ленька размашисто треснул кулаком по столу. Взвизгнуло стекло. Воцарилось гробовое молчание. Он перевел черный взгляд с залитой скатерти на всех присутствовавших и медленно привстал. Все наблюдали за ним как за полубогом. Он тихо начал говорить:

– Мы отбросы. Надеюсь, никто из вас сие не опровергнет. И нечего тут стесняться. У нас даже работы в миру нет, братики!

– Э, точно, я вона уже месяц как у биржи топчусь, биндюжников вологодских силком распахиваю. «Понаехало!»

– Ага! А за пособием небось бегаешь?!

– Разжился, хватит разве что на чай, – проскрипел бражный Бенька.

– То-то. Слухай товарища.

– Статься, что не нужны советскому обществу. И мы молчим. А оно покрывает буржуев и нэпманов. О нас вытирает ноги и партия и буржуазия. Мы опять молчим. Потому бороться с врагами и карать можно и нужно вот этими руками. – Ленька поднял вверх тощие ладони. – За что проливали кровь под Нарвой?! В голоде-холоде фронт прошли. И вот что я вам скажу, братишки. Настало время отнять у них наше кровное. У них излишки, а нам концы с концами не свести. Заберем у них причитающееся, раздадим незащищенным, нуждающимся!

– Як стихом гутаришь, смачно, – заискивал Дедка.

Леонид говорил складно, жгуче, местами чопорно, давил ударением на слова, напирал отдельными фразами. Он вспоминал о войне, о совместной службе, разбавлял мемуарами, отдельно о побеге из плена, как вернулся в полуразрушенный Петроград. Высказывался о политическом настрое транспортного ВЧК, положительно уносился в облака, живописуя высокопарным стилем.

Присутствовавшие разом зааплодировали, в то время как он кончил свою речь. Далее все развилось своим ходом, все подхватили его тон.

– Долой перерожденские рожи! Долой жопообразных нэпманов! Сведем мещанскую паршу! Подчистим общество от *таких*, как они.

– И что? Ты собрался перерезать глотки всем толстосумам Петрограда? – протянул картявя «р» Басс.

– Нет, мы сделаем все очень красиво, – сказал Леня.

– Каким это образом? Помимо нас каждый день грабят и убивают на улицах общипанных бывших, – спросил сизый Варшулевич, раскуривая самокрутку и щурясь от попавшего в глаза дыма.

– А мы не будем трогать простых граждан... не будем грабить на улицах прохожих. Мы будем брать зажиточных насосавшихся клопов, – продолжал Леня.

– Как мы до них доберемся? Люди не дураки. Давно научились шхерить нажитое, – допытывался Варшулевич.

– Стой, помнишь, с обысками были на Фонтанке в «Золотом треугольнике»? На Екатерининском знаю пару особнячков.

– И что с того?

– Борис, ну мозгами волоки хотя б маненько! – выпалил разгоряченный Басс. – А то, что мы все адреса, пароли и жильцов-то мамонов² подыдем. Может, через гувернанток слепки

² Мамон – (жарг.) кошелек.

ключиков достанем! Вона ты еще какой красавчик сыскался, улыбнешься, девки твои разом будут. – И он шутливо потрепал его по щеке.

– Знаем все, вплоть до того, где что в квартире находится, где цацки-пецки припрятаны могут быть, где вещи какие бесхозно лежат...

– Може, на гольца? – спросил Дед.

– Надо раздобыть бы пару липовых мандатов, – предложил Варшава, – «Серые шинели» банду назовем.

– Ага! И серых шинелей раздобыть, – подхватил Гавриков, – а то можно и самим нарваться на наган.

– Голец даст знать, что хаза бесхозная значит, – продолжал Дед.

– Бесхозная хаза? Дед, забыл, что при Октябрьской уже все перетырили? – возражал Варшулевич, пытаясь перекричать пьяный гвалт.

– Варшава, вечно ты со своими умозавихрениями! Обломщик! – осаживал Басс.

– Знаете, мне эта идея не нравится, – сказал Варшулевич, надувшись еще больше. Его никто больше не слышал.

– Да у тебя без мокрухи, без хозяев – все красиво. А на мокрое дело подписываться не стану из принципа, – заметил Гаврюшка улыбаясь.

– Никто тебя и не тянет, – отрубил Ленька не без раздражения.

– Но и жохами ходить беспонту, – дальше вставил Басс.

– Давайте тогда щипать на улицах набитые мошны. То бишь грабить.

– А знаешь, Ленька, – продолжил Басс, – можно еще и харчевни богатые брать.

– Верняк!

– Заходим красиво, там приставляем наганы к уху, говорим: снимайте, мол, ваши серьги, доставайте ваши бимбары. Колечки тоже, мол, долой, были ваши, а стали наши, – подхватил Гавриков.

– И никакой мокрухи, токмо благородный грабеж! – самодовольно промурлыкал Басс.

– О! Так это ж мазовая тема, а ну-ка, гаврики, пей за блатных! – Пафнутий подался вперед, слегка толкая смурного Варшулевича, так как тот был ближе к графину.

– Чего не пьешь? – с прищуром глянул на него старик.

Борька разлил всем в рюмки. И нехотя чокнулся, махнув со всеми.

– За новую банду! Ур-ра!

Компания утратила окончательно здравый смысл, потопив безжалостно его в огненной воде и горячем энтузиазме Пантелеева.

Пафнутий скривился и, занюхав роголиком, про себя подумал: «Сейчас бы первача все же лучше будет!» Изрядно захмелев, Дедка уснул по-стариковски в своем любимом кресле, наверняка вынесенном из Зимнего после штурма.

Он приобнял еще теплый примус, чавкая во сне. Морщинистое лицо его растеклось детской улыбкой, и ему, плешивому старикашке, будто бы снилась новая банда Леньки и их прекрасная идея налетов, и все крутилось во сне: и примусы, и камин, и даже его любимое кресло с люстрой уходило в пляс. Он что-то шептал сейчас, примусник, а что, уже не помнил.

Все должно было измениться отныне. И с угасшим днем унеслись и последние сомнения прежней жизни. На улице начинал брюзжать рассвет нового дня. Он открывал ставни в окна новой жизни.

4. Проклятие мертвецов

– Ленька! На этих ты далеко не протянешь! – скрежетал на ухо Дед, косясь в сторону спавших по углам Басса, Варшаву и Гаврикова. – Я тебе вот что лично скажу.

Ленька бережно отжал марлю в тазу и наложил на лоб Пафнутия укусную повязку.

Закурил.

– Ой! – И Пафнутий схватился за голову – та трещала с похмелья. – Проклятней дым. Травите себя и остальных не бережете.

Пантелкин смиренно затушил о фаянцевое блюдце и дальше прикладывал компресс.

– Сегодня придут ко мне на малину блатяки, помани, да они пойдут за тобой. Зуб даю, свой последний! – И Дед захихикал, отвалившись назад, прикрыв смущенно рот руками.

– Ты скажи мне, Дед, где зубы потерял? – спросил его Ленька.

– Эх, эх, давнишний сказ, сыночек. Я ж до малинок в Литовском замке чалился. Еще при царе-батюшке дослужился до смотрителя ажна Лютеранского кладбища. Был на хорошем счету. Входил, так сказать, всем в доверие. Хорошо я знал конторщиков еврейского погоста – Вербу и Аникишкина. Друзьями были. Не одна с ними бутылка марочного была распита. Вот как-то раз, во время изливаний у зеленого змия, просил я взаймы, да попутался. Аникишкин предложил свойски похоронки оформлять, мол, подслеповатых, убитых горем родственничков облапошивать. То ли с их молчаливого согласия, то ли наглые мы, страх продули. На корешках квитанций да в книгах домовых числить их в качестве младенцев начали. Так и сработали. А денежки брали по полной. Тогда дитятю схоронить было дешевле, чем старика. Разница по карманам расход имела. Зажили в сласть. Так прибыльно у нас в неделю выходило свыше 5 тысяч прежними денежками. Позже в бухгалтерии сидел один крючоктвор Удовенко. Поперек горла я ему был с самого начала. – И Пафнутий провел указательным пальцем под кадыком.

– Старый ты такой у меня, Пафнутий.

– Ты старого Деда послушай. Да не перебивай.

«Ну, началось...» – про себя думал Басс, притворствуясь спящим.

– Копал под меня он, что ли, с самого начала... этот товарищ Удовенко. «Шоб удовольился!» – постоянно я ему вслед шептал. Он? Да на том свете уже, покойничек. Так вот, его, мол, насторожило, что на моем хозяйстве, дескать, детской больше смертности стало и общие обороты снижались. Схоронов всегда хватат. Прислал, гнида, комиссию. Так оказался я на скамеечке подсудимых. Удовенко тот на меня все грешки, и свои, перевесил. Аникишкин с Вербой туда же. Мне срок, а им, мол, условно. Я на Удовенку налетел прямо в зале суда, с кулаками, наскоро. Тут же роковые 113-ю, и 116-ю, и 156-ю впяли. Еще пяток накинули в нагруз. А там за место моего отбытия в места не столь отдаленные в 1887-м. Вот Боженька не только Удовенку супостата прибрал к рукам в том же году, но и доченьку мою единственную. Представляешь?

Пафнутий остановил свой рассказ. Смахнул трясущейся рукою скупую слезинку.

– Я ж им с маткой денежки-то кладбищенские слал. А как со мною беда приключилась, то они, уж не знаю, куда денежки-то за годы подевали, жинка где? Не дождались меня. Авось померла.

«Аль с полюбовником бежала! Так тебе и надо!» – подумал Басс, оскалился.

– А что? Освободившей меня революции – мерсисочки! Да только не стало у меня самого главного: ни семьи, ни дома. Прихожу я домой к нам на Кабинетскую. Шикарный район раньше был. Как бывший сотрудник Его Императорского Величества. Неплохо жили. Чего еще надо было? Поднимаюсь, знать, к себе. А там в моей квартире совсем другие люди обитают. И соседи поразбежались кто куда. Кого матросики лихие переколошматили. «Дядя, вам кого?» – слышу, значит. А в рожу перегаром водки да махры. «Уже ни-ко-го!»

Дед привстал в кресле и начал размахивать ручищами.

– Выбежал. На Разъезжей отобрал штык у шинели. Думаю, сейчас обернусь, всем брюхо распорю. Да только одумался. Морозцем меня прибило. В чем они виноваты-то? Чужие люди. Вот только тогда на голодный дикофт одумался. Настигло меня проклятие. Проклят я мертвецами. Ну теми, что деньги похоронные брал. Да только не впрок вышел. Тогда-то я и умер, наверное. С ними теперь лежу.

Грустно вздохнулось Ленке.

– От так пошел куда глаза глядят. Сначала бросился было «старый мир» спасать. Помню, у попа с попадьею укрылся в духовном училище. Когда Сенновскую грабили, мы, помнится, ценностей маненько спасли. Икону из мешковины-то достал, тычу попу ее под нос, на колени встал перед ним, кричу: «Отпусти грехи мои, батюшка!» – «Что ты? Бог простит!» – отмахнулся. Не простит. Я ему: бога, мол, нету... «Слабый ты», – он мне, да отстранил меня. Представляешь? «Ах ты ж еретик! Гнида буржуйская! Получай! Караю!» Огрел его окладом, тот без чувств так и рухнул мне под ноги.

Пафнутий затих. По лицу его покатались слезы. Еще пуще прежнего.

– А что попадья? Что с нею сделал? – допытывался Пантелкин.

– Разумей, Леня, у меня ж в роду духовники. И крещен был в честь Пафнутия Боровского. А теперь говорю себе: «Бога нет». Попадья? Не помню же. Живот огромный был. На сносках, видать. Лицо такое худое, изможденное. Зеркала громадные. Застыли слезы. И вопрос: «За что?» Я бежать. Не помню куда и как. Бежал, бежал, остановился, когда сердце в груди так и выпрыгивало. «И что?» – я себя спрашиваю. Мне «голос» внутри, мол: «Ну сознайся, что душегуб ты и вор. Ничего в жизни, кроме как насилить, не умеешь». Так я приткнулся на Обводном. Сначала под мостом спал. Крыс жрал да голубей. А потом вот угол себе заприметил. Та и зажил здесь. Обустроился. – Он обвел широким жестом свой притон. – А ну глянь, тепереча загляденье!

Утреннее солнце пробралось в комнату, смывая роскошь гримированной маски. Ленка уставился в унынье обшарпанной стены. Обои, клееные со времен постройки, кое-где залапаны «Красной» газеткой. Табуретка из красного массива с затертой обивкой, ковер, залитый непонятными пятнами. Рядом битый стул эпохи Ренессанс с голубовато-желтыми пятнышками на трех ножках тоскливо глядел из-за угла. Пафнутий треснул по нему и громко чихнул.

– Да уж! Есть чем гордиться! – заметил Басс.

В комнате давно все уже проснулись. Да только все молча слушали незатейливую исповедь старика. Кто тихонько позевывал. Кто переворачивался с бока на бок, чесался или громко вздыхал. И все грустно молчали. «Тик-так» – продолжилось тиканье часов.

У Варшавы запотело пенсне, он торопливо снял его и протер носовым платком, затем так же торопливо надел, пытаясь распознать где стрелочка на ходиках. Ему это не удалось, и он начал нервно озираться.

Басс был еще пьян. Он стонал.

Бодростью полон был только Гаврюшка, он придвинул трехногий стул, нарушив тишину. Встал, настроил патефон, и полились сначала странные, совсем квакающие звуки. А потом полился романс. Гаврюшка просветлел. Пел Вавич. «Очи черные...»

– Обожаю!

Мелодия тянула струны души. Задевала их, переливаясь аккордами и пением.

А за окном город безвозвратно тонул в серо-желтой завесе скупого зимнего дня.

– А бабы будут? – спросил тихо Гаврюшка.

Ленка одарил его презрительным взглядом.

– Обижаеть, – ответил ему Дед Пафнутий и подмигнул.

5. Марухи

Вечером того же дня пухлые женские ручки лениво потянули звоночек. В коридоре послышались струящие голоса, грубый смех, стук каблучков о паркетную доску. Дверь в залу отворилась. На пороге стояли три плюшевые шубки, укутанные ароматами амбры и мускуса. Дверь за ними громко закрипела. Возникла пауза. Братишки засмутились.

– Знакомьтесь, чижики, мадам Моника Клопп с компаньонками!

– Можно просто Моня.

Дедуля кружился серым мотыльком вокруг девиц, затем подобострастно расцеловал толстые пальцы старшей из них, Моньки, украшенные золотыми кольцами с розовыми и красными камнями овальной формы, мерцавшие в свете тусклых лампочек.

– Общипать меня удумал, старый черт. – Монька расхохоталась.

Мужская половина, онемев, залилась краской. Стол был накрыт на сбегренные портки. К ним уверенным шагом длинных ножек проследовала невиданной прелести и изящества молодая особа. Она держалась прямо и грациозно, подобно дивам Викторианской эпохи.

– Меня зовут Мими. А это Лидочка! – добавила Мими. – Моя товарка.

– Только немного глуховата, – добавила Монька и вновь расхохоталась.

Она по-хозяйски осмотрела присутствующих, и бесцеремонно взяла Пафнутия за грудки, и притянув к себе, грозно шепнула ему на ухо:

– Это что? Ты кого нам подогнал? «Два с боку» я сразу выкупаю! Бросил нас на дворню, постылый?

– Спокойно, мама. Никаких ментят, ма-ра-вихеры се, новехонькие! Раздевайся, проходи, смотри: добротный хавчик, – твердо ей ответил Дед, высвобождаясь, пока девицы расстегивали шубки с каракульчовыми манишками, зазывно улыбаясь молодым людям, красивые и ряженые, словно куколки.

– Мы ненадолго...

– Ну что, цацы, проголодались? – спросил гостеприимный хозяин. – Пожалуйста к столу. – И, поклонившись с нарочитой обходительностью, препроводил марух в залу.

– А вы жрать хотите, деловые? Что у нас на сегодня? – спросила деловитая Монька Клопп.

– Сегодня у нас сосисочки в томатном, есть зельц!

– И мы не с пустыми, – продолжила фрау. – Луде, доставай шампанское, – приказала она одной, та покорно проследовала в коридор.

– Я вам помогу, – вдруг вызвался Гаврюшка, заботливо подхватив нагруженную сумку со спиртным. Лида покраснела и опустила голову.

– А что это за имя странное – Мими? – спросил Варшулевич.

– Машка, наверное, только вон, смотри, как пуху на себя нагоняет... – шепнул ему Ленька.

Мария села справа от Моньки, достала папироску «Штандартъ», обвела присутствующих томным взглядом. Взгляд ее горел черным углем. Леонид почувствовал на себе огонь прицела и быстро отвернулся, его будто бы обдало жаром преисподней.

Варшава поднес к пухлым губам с сигаретой спичку. Маруся одобритительно кивнула.

Тем временем госпожа Клопп налила себе «рыковки» из графина, залихватски ее опрокинула в рот.

В большую комнату вошли: Дед с подносами, Луде несла фужеры, позади нее семенил Гаврюшка с ледяным ведром и бутылкой «Абрау-Дюрсо».

– Маман, не даете мне сдохнуть с голоду!

– Змеи не дохнут... – отозвалась Клопп.

Дед чмокнул Моньку в нарумяненную щеку. Так было принято.

Зазвенело стекло. Попойка набрала обороты.

– За встречу!

– Говори, Дедка, чем нонче разжился?

– Мы празднуем рождение новой банды «Серые шинели».

– Тю! А кто главарь?

– Я, – отозвался Пантелкин.

– А вижу, вижу. Залетный, што ль? – спрашивала Монька, заедая горькую квашеной капустой.

– Тихвинский он, – пояснял Пафнутий. – А так, сам из Петрограда.

– Это как? – И масло тонкой струйкой стекало по мясистому скошенному подбородку, по окрашенным карминовым губам.

– В Тихвине родился – здесь живу, – мрачно ответил Ленька.

– Хм. Живешь? А чем занимаешься? Штык, небось.

– Ну да, с транспортной ВЧК, – пояснил Варшулевич.

– То-то чуйка. У меня на вашего брата глаз наметан.

Монька раскраснелась еще больше, выпив сразу водочки с игристым.

Монька Клопп, как она себя любила называть – фрау Клопп, на самом деле была родом из местечка Гунгербург, что на границе с Нарвой. После продрозверстки перебралась в Петроград. Занималась проституцией, теперь держала интересное заведение рядом с площадью Лассалья.

– Фрау очень богата, – шепнул Пантелкину Дед.

– И что с того?

– А то, что она тебе помочь в любом вопросе может... У нее самый престижный «Домъ» в Петрограде, ее знают все.

– Знают все – знает и свинья.

В бельэтаже фрау Клопп располагалась шикарная двухуровневая мастерская по пошиву модной одежды для богатеньких дам и господ. На втором этаже, сразу за примерочными, следовал каминный зал и три комнаты для рекреаций. Там засидевшиеся, скучающие модистки могли скоротать не только вечер свой собственный, но и щедрому господину. В отдельных комнатах были кровать с канделябрами, тумбочки, бар, и в каждой – красный абажур, визитная карточка модистки.

Все это тщательно конспирировалось под незатейливой вывеской «Модный домъ». В ее заведении постоянно навевались: служащие госбанков и партаппарата, инженеры производств, судостроители, нэпмановские сынки, приезжие мануфактурщики да сословные ростовщики, иностранцы, знаменитые актеры и музыканты.

– Да, у меня лучшее заведение в Петрограде, – сказала, чокаясь, фрау. – В общем, публика у меня разносольная, но элитная! – раздумывала Монька, чем бы еще похвалиться.

«Я хозяйка, у меня порядок и тишина. Деньги льются рекой. В жизни я много что повидала, хоть завтра ложись да помирай, – бродили тупые мысли в ее голове, а тело разобрала пьяная отрыжка. – И проблем вроде нет. Точнее, одна проблема все же есть».

– Без мужика – жизнь не та! – И она с любопытством стала осматривать присутствующий мужской состав.

«Ну, Дед в расчет не пойдет – он мне как отец. Инцест претит. Так, этот сивый, – смотрела она на Варшулевича, – с ним сдохнешь со скуки. Вон те мазурики. – Она глянула в сторону Басса и Гаврикова: – Ну просто пьянчуги! Эх, стоящего бы найти. – Ее поросячий взгляд остановился на Леониде: – Хлопчик что надо! Правда, низковат».

– В корень ушел? – спросила у Леньки толстуха. Все переглянулись, выпучив зенки.

– Потанцуем? – И она встала, поставив толстую короткую ногу на стул, задрала бархатистый подол, демонстрируя французский чулок. Варшулевич аж подавился. Ленька не посмотрел.

– А как к вам попасть на работу, госпожа Клопп? – спросил заинтригованный Басс.

– Ты ко мне попасть не сможешь.

– А пошто? – настаивал тот.

– А потому, мазурик, что у тебя лицо, как говорится, отмеченное природой.

Компания прыснула было со смеху, только Ленька молчал. Он не выдержал:

– Все, кого не устраивала участь прядильщицы на чулочно-моточной фабрике, становятся «жертвами» древнейшей страсти у фрау. В почете незаурядные таланты и внешность, чем сама хозяйка не хвастает. Интересно. А консуматорши балуют клиентов малинкой. Может, и сами не брезгуете водочкой с хлоральгидратом? Потому как в другом состоянии вас не вывезти.

– Твоим, как ты говоришь, маравихерам, Пафнутий, впору брать девок с Глазковой улыцы. Они настоящих женщин не видали, – брызгала ядом Моська.

Ленька окатил ее презрительным взглядом.

«Сволочуга, фармазон!» – подумала про себя Клопп.

Компания невольно попала под перекрестный огонь взглядами. Фрау показалось, что Пантелкин смотрит заведомо сквозь нее. «Играет», – лелеялась мысль. Густо накрашенные ресницы, словно лапки паука, захлопали. Тонкие, подведенные красной помадой губы кривились бантом, на лбу залегла яростная складка.

Ленька рассматривал ее пухлые холеные пальцы. Его тошнило от мещанской заносчивости. Она пыталась казаться всем шелихвосткой, все это лопалось мыльными пузырями, потоками гнусностей, что лились в данный момент из нее.

Ленька едва давил в себе приступы подступавшей тошноты, воображение рисовало догадки и бури негодования. Сжал добела кулаки, на лице нервно играл желвак. Перед его глазами встала картинка того, чем занимается Клопп. Как она встречает клиентов, как делит барыш, таскает девок за косы, подкладывая их под липких мужиков. Использует людскую плоть, одновременно одевая и размазывая ее по стенке.

Он посмотрел на Луде, шептавшуюся с Гаврюшкой в стороне. Перевел взгляд на Мари, и их глаза встретились.

Моська это заметила и ему подмигнула. Он внимательно смотрел на нее и удивлялся. Сколь искусно та себя преподносила и сколь поддельна была. В ее маленьких зеркалках не было ничего уже подходящего на душу. Для него, еще юного сентименталиста, эта женщина была олицетворением вянущего порока. Ее плоть, смердящая французскими «Коти», отталкивала его. «Наверное, у нее сифилис», – думал Пантелкин, в глубине жалея таких, как она.

Клопп перехватила этот его надменный взгляд. И, ухмыляясь, высказала во всеуслышание:

– Мазы, хватит гакуру бусать. Пора гагар пощупать, да не шваб вокзальных, а отборных марух! – И она протянула было рюмку ему, чтобы чокнуться, и она стала облизывать свой рот с растекшимся алым стеарином, выглядело это забавно.

Леньке вспомнилась клоунада из парка отдыха. «Вот неугомонная». Ленька процедил с отвращением:

– Свинья.

Такой оборот привел ее в большую ярость. Она не терпела отказов. И ей не нравилось, когда это видели и когда вдруг нравился кто-то другой.

«Да кто ты такой? – подумала Моська. – Да я моложе найду! Фи!»

– Так, пора собираться, – скомандовала фрау, шатаясь. – Не знаю, как твоя подруга, Лидка, пошли.

Луде сделала вид, что не слышит.

– Ах так! – вскричала Монька. – С завтрашнего дня ты у меня не работаешь!

Лидия машинально поднялась и направилась в сторону выхода за хозяйкой.

Гавриков подскочил за нею, пытаясь сначала ухватить за руку, затем ринулся вперед, преграждая им путь:

– Она никуда не пойдет!

– Отойди, голяк, – раздраженно фыркнула Клопп.

Лида остолбенела.

– Луде, пойдём!

Девушка опустила виновато голову.

– Лидя. Ты ведь не раба! – обратился увещательно Гавриков.

– Что здесь за балаган? – запищал фальцетом Пафнутый.

– Ноги моей здесь больше не будет, старый хрычевник! – ответила ему Клопп.

И дверь хлопнула с такой силой, что петли на ней содрогнулись.

В комнате повисла тишина. Все смолкли. Лидия осталась.

– Анафема! – вскричал старик. – Нельзя одних на пять минут оставить? Опять язык твой поганый! Да, Ленька, к тебе обращаюсь. Зенки-то не прячь.

– Я, Дед, не люблю, когда при моих фраерах со мною так разговаривают. Во-вторых, и что с того-то?

– А то! Знаю Моньку, так она ж будет тебе мстить. На безделицах врагов себе наживешь – паршиво, – сипло скрежетал ему на ухо Дед.

В комнате, пропахшей потом, дорогим парфюмом да испарениями спиртного и махры, невероятно посвежело. Хотя форточек распухших от мороза окон никто не открывал. Вечер продолжился.

6. Мими

Маруся Друговейко одна из тех гетер, чья красота не только заставляет обернуться, но и руки на себя наложить. Неземная.

Однако интересы ее не выходили за грани уцелевших демимонд, ютившихся в обшарпанных многосемейных коммуналках Петрограда. «Блистательна в отрепьях, и даже в неглиже. В поклонниках лишь богачи», – думал тоскливо Варшулевич. Взгляд он остановил на ней, не смел оторваться. «Ничего личного испытывать к мужчинам неохота!» – глазами отвечала красавица. «Единственная слабость – деньги!» – думал Пантелкин. Трое из них переводили взгляды друг на друга.

Варшулевич брякнул струнами.

– О-о-о! – загудела публика. Гаврюшка зааплодировал, вытащив сигарку изо рта, целовал в губы раскрасневшуюся Луде.

– Постойте, ребзя, пришли слова на ум.

И он запел:

– В Марусиных глазах играли огоньки...

В тугие власы ленты вплетены...

Я ленты те тугие расплету...

Любовью нежною Марусю одарю...

Все зааплодировали.

Нежная оливковая кожа Маши рдела румянцем. Она залпом выпила шампанское и направилась к ксилофону.

Дед с Бассом пьяно о чем-то спорили. Старик расставлял руки в разные стороны, пытаясь встать, Бенька пытался оттягивать его за рейтузы к стулу.

– Давайте попляшем чечетку! А то уныло как-то тут у вас. – И она кинула небрежный взгляд на Бориса.

– Белый танец давай! – выпрямился Гаврюшка и полез рыться в пластинках у ксилофона.

Звуки вальса полились.

Мими медленно повернулась. И призывно посмотрела на Леньку. Он не смел отвести взгляд, сидел как замороженный. Полы ее струящегося платья двигались в его сторону.

– Дамы приглашают кавалеров!

– Вот ключ от дальней спальни, – шепнул Дед, изогнувшись скобой через стол, и заложил его прямо Леньке в руку.

– Старый сводник... – огрызнулся тот раскрасневшись.

– Ну-ну! – возразил Дедка. – Все жизненно.

Маруся двинулась в сторону Пантелкна. И встала близко к нему. Так, что он чувствовал жар ее тела.

Мириады высоковольтных проводков в один миг его обступили. Он подскочил к ней, упершись в пышные груди, с младенческой дерзостью уткнулся носом в холмы Коронида, вскормившей, казалось бы, самого Диониса. У него зарябило в глазах. Кровь бурлящей рекою разливалась по венам. И, сделав пару размашистых па, он взял ее в свои крепкие руки и начал вести.

Пьяное тело его обрело силу и гибкость, фиксируя каждый взгляд и жест с ее стороны. Ее молодая плоть извивалась под струями нежного шелка.

– Эх, да, красотушка! – сорвалось у Леньки.

Она уставила на него свои огромные очи. Ленька оцепенел. «Кажется, я лишнего сболтнул», – пронеслось у него в голове. И хотел было себя шлепнуть по губам.

Как вдруг она нагнулась к его лицу и, обхватив двумя руками его голову, жадно прижалась к нему губами, а потом посмотрела в глаза. Ленка не ожидал такого оборота и лишь приртынул ее к себе, обхватил и поднял ее на руки, относя в тихую спальню.

Упругое тело, длинные ноги обвивали его, руки тянулись и обнимали – горячо, волшебны, жарко. Он был вне себя от счастья. Роскошная женщина.

– А вы голодный, – промурлыкала она, кусая его за мочку уха.

– Я ж боец, – прорычал он и накрыл ее своим телом и поцелуями.

– Ну и что ты собираешься делать? – В утреннем полумраке она встала с постели, и он наблюдал за ее грациозными бесшумными движениями.

Невольно потянувшись к сигарете и смачно затянувшись дымом, он почему-то сказал:

– Уже на «ты», телят-то вместе не пасли...

– А вы грубиян, товарищ маравихер! – сказала Маша и жеманно надула губки

– Я не маравихер, но близок к тому, чтобы им стать, – сказал он полушутя, выпуская дым кольцами.

– Чую я, что весь город будет стоять на ухах, если в нем появится такой, как ты. – Она зазывно приспустила бретельку шелкового платья.

«Какие формы, какой изгиб», – думал он, вновь загораясь.

– Останься. – Он было потянулся к ней.

Он направил молящий свой взгляд на Марусю, ему стало удивительно, как может эта женщина, не зная его совсем, так быстро ему довериться.

Та уже стояла, опершись на трюмо и поднеся спичку к сигарете «Сэн Жорж»³ с золотым ободком, задумчиво глядела сквозь Ленку.

– Могу отвесить тебе токмо воздушный поцелуй! – Она поднесла пальчики к губам...

– Маша...

– Зови меня просто Мими...

– Хорошо, Мими, иди сюда. – И повелевающим жестом пытался притянуть ее к себе.

Она мотала головой. Тогда он разом соскочил с кровати, в секунду преодолев треть комнаты, схватил ее и повалил на постель, заключив в горячие объятия. Мими, упругая, словно кошка, даже не вырывалась.

Через четверть часа, откинувшись на спинку кровати, они вместе глядели в потолок и курили.

– Знаешь, а за мною полно волочится, – нарушила она тишину.

– Это ты к чему? – спросил он, поглаживая ее грудь.

Вдруг она резко оттолкнула его руку, сжалась в комок и заплакала.

«Ну началось», – подумал было он и, сам от себя не ожидая, начал ее успокаивать. Волосы разметались воронными струями по ее гладким печам, спина вздрагивала.

– Ты что, маленькая. Обидел тебя?

– Ты решил, что я проститутка?

«Тогда что ты здесь делаешь?» – пронеслось у него в голове.

– Никогда никого не любила... здесь ты мне вдруг приглянулся. В таком вот месте. Ты считаешь меня гулящей. А ведь ты меня совсем не знаешь, – продолжала она.

Ленка растерялся. Он не знал, что ему делать, и просто гладил ее шелковые волосы.

– Я ведь из «бывших», не приглянулась победившему пролетариату. Ныне серость. И потому воспитание в институте благородных девиц никакой квалификации мне не дало.

– Ты закончила Смольный? – спросил он, искренне удивляясь. Маруся подняла голову, слезы лились по щекам рекой, веки набухли. Он краешком простыни начал их вытирать...

Она поймала его руку, кивнула и поцеловала пальцы:

³ «Сэн-Жорж» – название сигарет с золотым ободком.

– И у меня уже был срок, правда небольшой.

И она еще пуще разрыдалась. Он прижал ее к своей груди, обнял покрепче. На полу нащупав спиртное, дал ей отпить из темной бутылки с надписью «Кальвадос».

Она сделала несколько жадных глотков. «Это ее успокоит», – подумал он.

Мими начала свой тихий рассказ.

– До времени постылого жили мы всей семьей в 25-й квартире по проспекту Володарского в доме под номером 31. Жили зажиточно. Тогда пришли экспроприаторы. Отца и мать удушили, за «неподчинение». Мне удалось бежать. Ася Фридман, моя давняя подруга по институту, меня приютила. Так как работы мне не было вообще, отношения у нас с Асей стали холодать... из-за того, что висела у нее на шее.

– Ну это у вас у баб знакомое дело... – перебил Ленька.

– Я стала по-тихой подворовывать ее золотишко.

– Крысить то бишь, – заметил Ленька.

Мими на него презрительно взглянула и закурила.

– Я сбывала ее колечко. Сама врала, что, мол, работу нашла. Делили скудный паек. Когда деньги заканчивались, тащила еще. Рыжья у нее полна коробочка. Она и не замечала. Через несколько месяцев познакомилась с анархистом Левинским. Залетела. Поженились. Он через месяц застрелился...

– Так ты мама?

– ...Ну да. Что тебя удивляет? Потом решила уйти от Аси. И напоследок взяла больше обычного. Скрылась. Я же не знала, что она сразу обнаружит и побежит в милицию.

Она горько заплакала, еще больше отпивая из горлышка.

– Бежала в Четильники, близ Одессы. Не помню, как добралась. Надо же, и петлюровцы не изувечили. Там телефонограмма: «В розыск». Поймали меня, оттуда этапировали обратно, в Петроград. Суд и тюрьма. Срок небольшой дали, так как была уже на сносях. Сжалились над моей малышкой. Так родила дочку в тюрьме. Освободилась.

– А дочку не забрала?

– А зачем? Тем ей будет проще, безопаснее... в приюте.

«Вот тебе и мать», – подумал Ленька.

Маша будто бы угадала его мысли и разрыдалась.

– Мы заберем Софию, я обещаю, – тихо сказал Леонид.

Обнял ее. Потом долго думал: «Зачем пообещал?»

Солнце ласково улыбалось, протягивая свои лучики, словно руки, в окно, пытаясь отогреть их сердца. Комната давно уже выстыла. Ветер тихонько продувал раму, наспех подлатанною дедовой мастикой. Она прижалась к нему ближе, и он почувствовал ее острые колени. Обнявшись, еще некоторое время они вместе лежали.

– Видать, не зря нас судьба свела.

Ленька вопросительно посмотрел на Машку.

– Сгодиться тебе смогу... Буду сдавать тебе их тепленькими, а уж там дело твое. Делай с ними, что вздумается... – сказала она, шмыгнув носом.

– Не понял? Кого?

– Толстосумов, нэпманов.

– Ты с кем-то встречаешься?

– Да. Уже год как. Я содержанка, – пояснила она.

– И кто же этот «счастливчик»?

– Грилихис Яков Андреевич, доктор. Имеет частную практику... Жениться на мне обещал. – И она вяло улыбнулась. – И колечко подарил. – И она показала ему ручки с мерцающим камнем. – Каждую субботу по ресторанам, в «Дононе» частые гости, у знакомых играем в белот. А в баре «Европейской» танцуем.

Ленька почувствовал нечто похожее на укол ревности: «Вот так Грилихис». И он еще больше сник.

– Верняк, женатый твой бабег. И вообще, тебе какой прок мне собить? Обузный я, как видишь.

– Знаешь, Ленечка, – сказала она, пуская сизые кольца дыма, – я из семьи благородной, но нищей. Пока одни себе кишки набивают да кошельки, другие с голоду пухнут. Игра такая идет сейчас: голодный – сытый. А народным добром надо делиться. Все ведь общее. Что доброго мне с такого существованья...

– Глядя на тебя – так ты не бедствуешь, небось, медовый пряничек кушаешь... – язвил Пантелкин.

– А все потому, что у меня голова на плечах. Я многое умею, свободно говорю по-французски. Эс кю ву вуле?! – И она попыталась приподняться в па. – Сочиняю стихи и музицирую. А хочешь спляшу?

– Охотно поверил.

– Жизнь мне опостылела.

«Вот эдак поворот! Ну, пушай баба выговорится!»

– Ненавижу и этот новый строй! А горестно так, что руки охота порою наложить!

– Ну дак не живи жизнью такой.

Мими просунула руку под кровать и нащупала там вновь коварный «Кальвадос», отхлебнула.

«А она крепко закладывает», – подумал он.

Она пила и говорила, а он уже слушал ее, тоже отпивая глоток за глотком, словно его околдовали, время от времени бормоча одну и ту же фразу:

– Мими, может, хватит?

– Хватит что? – спросила она уже не соображая.

Вновь накатили воспоминания. И терзавшие душу слезы сдавили гортань. Ни один мускул на его моложавом лице не дрогнул. Детская тема была для него болезненной. Он созерцал внутри себя. Нахлынули воспоминания. И тяжелым, тоскливым накатом закатились обрывки памяти, как волна, вымывая гранитную крошку хладной Невы. И та волна уносила с собой все человеческое, светлое, доброе.

После смерти сестры отец ушел из дому насовсем. Он начал «новую жизнь» у своей любовницы.

Ленька приехал в Тихвин из Петрограда. Там он уже работал наборщиком.

Надежды его оправдались. С отцом он не встретился.

На похоронах тот даже не присутствовал. Хотя процессия шла по главной улице, где, собственно, и находился дом полюбовницы Гапеевой.

Зимой, на санях, по сугробам Ленька тащил гробик, а позади плелась измученная мать. Иногда, когда Леня не слышал скрип материнских валенок, он оборачивался и останавливал сани. Бежал обратно, поднимая мать с сугроба. Так они молча шли до погоста. Молча падал снег. И лишь изредка тишину разрывали бушующие кроны елей и кленов. Та метель обледела душу и сердце Леньки. Он все более клял отца, все вспоминая его побои. Страдание матери. Тающую на глазах сестру.

Тогда, еще летом, когда Леня накинулся на него с вилами, он поутих, перестал пить дома. А проспавшись основательно, руку на мать не поднимал.

Леня где-то слышал, что месть – это блюдо, которое нужно подавать холодным.

Забрасывая комьями мерзлой земли деревянную домовину (гроб), он решил поджечь дом Агапеевой. Но поджечь его не сразу, ближе к весне...

Шли месяцы, ненависть к отцу не притуплялась. А тянула тяжестью в груди. Леньке было больно.

Однажды он встал ранним утром. Мать сидела на кухне и смотрела долго в окно. На столе стоял скудный завтрак. Толстый ломоть хлеба да домашнее молоко в кружке. Ленька сел за стол. В углу была уже собрана поклажа. Он тихо положил руку матери на плечо.

– Куда ты теперь, сыночек?

– Воевать. – И, встав, он обнял мать, прижав ее трепещущее от слез тело к груди.

«Надо раздобыть керосин и дожидаться утра», – пронеслось у него в голове. Слезы душили. Но он вида и тогда не подал.

Темной и сырой мартовской ночью Леня подкрался к дому Гапеевой. И долго ждал под окнами, когда все улягутся. Отец, как всегда, пил водку на кухне и материл новоиспеченную сожительницу. Ленька продрог до костей, притаившись в лысых кустах шиповника, терпеливо ждал.

Когда окончательно погас свет и жильцы разоспались, Ленька подпер двери тяжелым полешком, который заведомо спрятал у вражьей изгородки. Облив аккуратно фундамент дома, Леня решил захватить и рядом стоящие кусты. Пускай, думает, пылает.

Отсыревшие спички не слушались. Он чиркал их переводом, пытался зажечь по несколько штук сразу. Но... не горело.

Наконец, во тьме вспыхнул заветный огонек и Ленька аккуратно поднес его к стекающим каплям. Но вот незадача – отсыревшие бревна гореть не хотели... Зато огонь хлопком перекинулся на кусты, а там и на изгородь соседней хибары некой вдовы, гражданки Коминой, которая мирно спала с тремя своими детьми у себя дома...

Неистовое пламя кинулось именно на ее палисадник, по старой черемухе поползло огненным змеем в окно. Повалил едкий дым. Еще секунду Ленька стоял в оцепенении, глядя на алые язычки.

Как вдруг ноги будто сами понесли его, преодолевая сковавший все и вся дым и страх... Одним прыжком он перелетел через полыхавший соседский забор и вышиб старую входную дверь Коминых.

В низенькой избенке мирно спали.

Огонь бушующе лизал стены и окна кухоньки и спальни, где мирно почили мать с сыном и две ее дочери.

Хижина уже стала тонуть в едком дыму. Ленька, зажав рот, начал будить сестер, разом ухватил одну и другую, вывел их из кухни, там в сени и к двери.

Мать и сын где-то стонали...

Ленька бросился и к ним.

В последний момент он выволок их из пылающего дома. С треском обвалилась крыша.

Погорельцы смотрели на полыхавшие и догорающие бревна и окна.

Набежали соседи. Люди несли ведра с водой, кадки, ковши. Кто-то тянул на веревке таз с песком. Но было уже поздно.

Соседка отделалась ожогами, но выжила.

Из дома отца, в ночных сорочках, выскочил он сам и его жилища. Среди всей толпы тятя даже не заметил его, он еле держался на ногах и лишь осенял себя крестом, причитая. Слава Богу, мол, не мы... погорели, мол, не нас. Женщины плакали, мужики бегали с флягами воды и топорщиками.

Ленька смотрел на все эту вакханалию и... злорадствовал! Впервые он испытал ни с чем не сравнимое наслаждение! Сердце наполнилось радостью! Душа его ликовала.

На следующий же день его встречали огни Октябрьского вокзала. Так открыл свои объятия революционный Петроград.

Он нежно привстал и, обхватив Марусю руками, шепнул:

– Я никому тебя не отдам!

– Делом будем заниматься... вместе! – подхватила она, он закрыл ее рот рукою.

Глаза ее блестели. Леня вытянул из ее рук бутылку и вылил остатки содержимого на пол. Потом вдруг провел рукой по пышным черным волосам. Тронул нежно губами ее соленую от слез щеку, шею, плечо.

– Ну что ты, что... – Он ближе притянул ее и начал жарко целовать.

– Ну тише, ш-ш-ш, девочка моя... Ты запуталась, бедненькая... Ну что ты? Я что-нибудь придумаю, – нашепывал он ей, – верь мне. И он сжал ее плечи руками, она застонала, он повалил ее вновь на кровать, осыпая ее поцелуями и стягивая с нее одеяло...

7. Золотых дел волочильщики

Пафнутий уже заваривал чай, будто бы поджидая Леньку, медленно поглаживал жиденькую бородавку.

– Ноченька что надо, – сказал он подмигивая. – Хочу познакомить тебя с первоклассными маравихерами! – сказал Дед. – Оба два вальты червонные. С ними не сторемычишься, стреляные. Если ты им все грамотно обскажешь, вот как мне, станешь неуязвим.

«Тринь-тили-бринь!» – навзрыд пиликнул дверной звонок.

– Кого лихая занесла? – Дед испуганно помрачнел, двинулся к выходу.

– Куда долю дел? – раздался басистый голос чужака. На пороге стоял детина в рогожковой ушанке и засаленной лоснящейся дубленочке.

Ленька выпучил моргалки на него, из-за угла, рукой шаря спиртное.

– Да ты шо? Какие аржаны, давеча все ж Мальцу передавал...

– У-у-у! Немае, гнида... – детина тряс старца за грудки.

Вдруг он, словно ужаленный, откинул его на пол и красной с морозца рукой начал спешно открывать ящички гардероба, другой рукой скидывая с вешалок одежду.

– Помилуй, Бык! – причитала из угла блеклая тень Пафнутия.

Детина развернулся к нему, сверкая зелеными зенками. Он утер мясистый свой нос и почесал щеку, на которой сияла неизвестная доселе медицине мокнуть. Перевел прицельный взгляд с Пафнутия на выпуклость под обоями.

– Опять, што ль? – И Бык направился к дрожащему от страха Деду, легонечко подвинув его, проворными пальцами извлек крест-накрест перебинтованный пакет.

– Ну ты бы хоть дислокацию нычек-то менял! – Подобревший детина извлек содержимое и аккуратно запихал все денежки во внутренний карман.

– Дак я же что?

– А то, еще раз учудишь – весь блат с тобой прекратит якшаться! – И Бык пригрозил пухлым пальцем, потом сжал кулак, занося его над трясущимся примусником. – У-у-у! Вот так бы двинуть тебе в жбан!

– Ай-ай! Не надо! – Пафнутий вжался в стену, зажмурившись, и было от страха уже ус зажевал. Когда открыл глазоньки, никого в коридоре не виднелось.

А было уже около четырех часов дня. Горел свет тусклой керосинки на кухне, и неральную обстановку злачного места сего нарушал только потрескиванием поленьев старинный камин. Запах свежих дров перемешивался с алкоголем, табаком и человеческими миазмами.

– Обмочился, Дедка, со страху?

Ленька молча развернулся к умывальнику, прежде начал пить большими глотками холодную воду. А потом смыл с себя пот. Ему было не по себе от выпитого накануне, и от увиденного, и от бурной ночи. Он протер глаза и пренебрежительно продолжил:

– Ну как тебе это?

– Что «это»? – Схватившись за сердце, перетырщик с оглядкой закрыл входную дверь на цепочку.

– Вот тебе и «неуязвимость» твоя? – ехидничал Пантелкин.

– Да затем, мазурик, что ты не первый и не последний, кто добро мещанское отщипнуть хочет. Становись в очередь. Давно все пилят по углам «пятерочки». Али думал вот так с наскоку в Петрограде злодейть? – отдышавшись, громыхнул Дед.

Пантелкин ухмылялся, закидывая за спину вафельный рушник, направился в большую комнату.

В центре залы стоял круглый стол в стиле Генриха IV, рядом на стуле, почему-то лицом в окурках, спал Басс.

Узорчатый ковер был залит винными пятнами чернильного происхождения. Среди крошек и остатков еды и пустых бутылок похрапывал, как младенец, Гаврюшка, рядом с ним валялась мертвецки пьяная Луде.

Варшава притулился в углу, словно ерусалимец.

Ленька, заложив пальцы в рот, свистнул:

– Рота, подъем!

Среагировал только Басс. Он встал по стойке смирно, даже не заметив, что в лицо его вмялись окурки и странно свисали.

Лидочка невнятно буркнула себе под нос.

– Ну опять двадцать пять, не дают поспать по-человечески... – жалился Гаврюшка.

– Есть маза, чижики, собирайся!

– Что случилось, Лень? – прошипел, как старый утюг, Басс...

Все с нетерпением внемляли главарию.

Гаврюшка привстал с чуть опухшим по-детски наивным лицом.

– И что ты предлагаешь?

– Пойдем сегодня у Палкина подыбим. Заглотим соловьевский бутерброд!

Дед ехидно хихикнул.

– Дед, если смешно тебе, рассказывай, мы тоже посмеемся.

– Мне скрывать от вас нечего, жиганы. Помимо вас, новеньких, свеженьких и дерзких, в Петрограде есть иная власть, – вороном каркал Дед.

– Какая? – Гаврюша выпучил глаза.

– Блат: Федька Бык, Ассоры⁴, Треф Валет, Володька Волочильщик вообще держит всех швецов в округе... Банда Климакова, банда Белого, зазря перечислять не буду?

– Про твою душонку приходил Бык?

– Мы что-то пропустили?

Дед деловито выловил чайники с жестяной кружки и, постучав ложкой о краешек, недовольно крикнул.

– Да только, боюсь, эти имена вам ни о чем не обскажут. А зря... зря. Они еще при царе сыскарей за носы водили. А вы в штанишках маненьких драпали да пеленки знамо как подписывали. А мазы уже эти были. И этот город их, так получается!

– Ну а мы-то тут при чем? – прервал Пантелкин

– Хотите работать на «пятерочке», договаривайтесь с Беловым. С Климаковым подсоблю. Знамо многих. А так одни – быстро скукожитесь.

Пантелкин громко расхохотался. Остальные подхватили.

Пафнутий покраснел от злости и закрылся у себя в кухонке.

– Это нам пригодится, – Варшава вытянул лом из кладовки.

– Зачем? – спросил Басс.

– Заодно на Никольскую заскочим. К родственничку. Я все ходы там знаю, со двора амбарный замок висит только лишь. Стырим по бушлату.

– Не зазорно у родственника тырить? – спросил Гавриков.

– Скорина своими ручищами бы задушил. Отравил, мамушку, душегуб. Как с этим шкалачом сошлась, так иссохлась.

– Поторопимся! – скомандовал Ленька, поглядывая на циферблат.

На улицу банда вышла в легком напряжении. Призрачный город манил скупыми огоньками. Спустя без малого час они стояли на углу проспекта 25 Октября и Никольской улицы. Пошел мокрый снег с дождем. Кое-где стелился призрачными облачками туман. Они подняли ворота новеньких шерстяных бушлатов. Во тьме промелькнула нахальная рожа чиргаша:

⁴ Ассор – так в начале прошлого века называли всех лиц кавказской национальности, произв., ассириец.

– Братишки, я живу на улице...

– Кирай отсюда, шпан, – злобно процедил Басс ватнику и пнул его под зад.

Тот свалился в мокрый сугроб и судорожно отпрянул. Кое-как поднялся. Убегая, лишь бросил им вслед:

– Я вас запомнил. Еще поквитаемся, шушары.

– Ну что за народ? – ухмыльнулся Ленька. – Дома не сидится, что ли, в такую погоду?

– Ага! – подхватил веселенький Гаврюшка. – Повылазили как мокрицы изо всех щелей!

– На сырость потянуло! – И Пантелкин рассмеялся.

– Хватит тыренными бушлатами отсвечивать, айда, – убедительно заметил Варшава.

И они поплелись в «Палкинъ».

20 февраля около трех часов ночи на ямскую хазу ввалился пьяный квартет. Все были в радостном расположении и, наспех скинув сапоги, черные шинели, ввалились в натопленные комнаты.

Дед выглянул из своей каморки и неодобрительно шмыгнул носом.

– Хм, что, оборзели, чинарики? – сказал он, тяжело вздыхая.

– Кончай прикидываться спящим!

– Вообще-то, побудили...

– Да будет тебе, не кипишуй, Дедка, погляди, что гикнули! – И они высыпали на стол пару жемчужных ожерелий, брошь, золотой монокль, печатку и три женских кольца, одно из них – простенькое, обручальное.

– Смотри, богатый улов! – Басс схватил цапки и начал с ними вальсировать по зале. Варшувевич уже откупоривал бутылку дорогого игристого в рифленной бутылки. Пантелкин молча курил.

– Есть что пожрать? А то дикофт пробирает! – Гаврюшка нетерпеливо взял мякиш со стола, жадно затолкал его в рот...

– Мы у «Палкина» пару пьяненьких пощупали... да баклана одного в монокле у парадной гикнули, помнишь?

– Так, пощупали мальчика, а что?

– Скоро вы свои потроха жрать будете, – ни с того ни с сего выпалил Дед.

– Эй-ей-ей... пошто грубияните, Дедуля? – отозвался Гаврюшка, поперхнувшись.

«Вот тебе раз... как обухом по башке», – подумал Басс, потирая пьяненькие глазки.

– Объяснись, старый хрен.

– А то, что давеча про ваши души уже приходили, интересовались...

– Наверное, Беся? – ерничал Гавриков.

– От Митьки Белки сюда наведались. Велели тебе слам сегодняшней им сдать.

Бандиты переглянулись.

– А иначе худо буде!

– Беду на нас накаркал... – наскочил Басс на него.

– Наивные вы. Я же говорил. Вы мне не верите, – запричитал Пафнутий. – Вам только кажется, что никто ничего не знает. Что, мол, зашхерились тут, сидите – и вас не видно. В воровском мире все иначе. Ты еще ничего вроде не помышляешь, а все уже знают, кто ты и куда путь свой держишь! Понятно?!

Все молчали, изредка косясь друг на дружку, вытирая проступившие капли пота. В комнате все разом будто смеркло. Слам больше не манил блеском.

– Да-да! Чего зенки на меня вылупили? По утру драпайте к Белому. Адрес дам.

– Никуда мы не пойдем, – отозвался игриво Гаврюшка, – во, накося выкуси. – И начал тыкать Пафнутию кукиш под нос.

Дед ухватил его за руку и, вцепившись за ухо, начал таскать за чуб, как школяра.

– Так что все твои рассказы про пролетарские уравнения Митьке Белке и поведаешь.

- У-у-у! – шипел Гаврюшка. – Доберусь до тебя, злыдня.
- Гавриков, отставить! – рявкнул ему Пантелкин. – Выпусти, Дед.
- Пафнутий тяжело вздохнул и молвил, разжимая ладони:
- На Таировом ждут...
- А кто такой Белка? – наивно поинтересовался Гавриков, потирая ушко.
- У Белки банда не счесть человек, из клюквенников и «самочинщиков», а не дворовая шпана. Тьфу на вас.
- Леонид повесил голову. Дед вновь спрятался в кухоньке.
- Что будешь делать, Ленька? – задумчиво спросил Варшулевич.
- Договариваться.
- Я с тобой! – отозвался Басс.

8. Белка «самочинщик»

Вечером в доме третьем на Таировом в квартиру номер 13 постучали.

Тяжелая дверь отворилась. Их запустил рябой мазурик в клетчатом фургане, твидовом пиджаке и в брюках-дудочках, натянутых до пупа так, что виднелись, почему-то розовые, носки. Ширмагал охотно обвел оценивающим взглядом, но, не вынимая спички из уголка рта, скартавил:

– Пьяхадите.

Пантелкин и Басс вошли и остолбенели! Везде были поклеены дорогие обои из шелковой бумаги. Роскошные канделябры, рядом таяли свечи в золоченых подсвечниках.

На стенах в багетных рамах томились музейные полотна. По углам была свалена церковная утварь, иконы, золоченые кадила, алой. Этот притон не был похож ни на один из тех, что они доселе видывали. Атмосфера завораживала, давила роскошью и убранством.

– Кто? – раздался голос из дальней комнаты.

Дверь была открыта, и Пантелкин прислушивался. Картавый что-то объяснял.

– А! Да что же «пролетарский уравниль»? Пускай заходит!

В огромной зале, за зеленым сукном, ловко резались в карты три шулера, свеч не жалели, посерединке лежал солидный банк из сволоченного золотишка.

Ко всем им спиной стоял высокий господин.

Он повернулся, скрипя сапогами. В кремовых галифе, белоснежной кофте и английском реглане, шелковом галстуке и жилетке, он, скорее, походил на заграничного комиссионера или недобитого аристократа, раскуривая чинно сигару.

Единственное, что выдавало в нем маравихера, это нечто неуловимое во внешности, как тень другого мира, воровского: огромный рост и крупная, выдающаяся вперед челюсть с тяжелым подбородком добавляли ему лишь лоска. Укладка темных вьющихся волос волос к волосу. Одеколон: французский «Шипр».

Басс и Пантелкин ахнули.

– Кто это? – шепнул ему Басс.

– Наша погибель! – прошептал в ответ ему Ленька.

Пантелкин был ему по плечо, когда тот приблизился, потом развернулся, стал медленно прохаживаться по комнате, скрипя хромовыми сапогами.

– Здорово! – сказал неторопливо Белка. – Чего язык проглотили? Присаживайтесь, рассказывайте, это вы, чижики, вчера ширмачили в «Палкине»?

Леня придвинул стул и, сев с легкостью на него, закинул ногу на ногу и стал парировать:

– А что такое? – вопросительно вздернул бровь Ленька.

– Не прикидывайся дурачком! – В глазах собеседника пробежал живой огонек.

– Ну допустим, я там был, но ничего не видел. Здесь вижу, а здесь – нет. – Ленька сложил клином ладошки и их переместил справа налево.

Вор подавился дымом от неожиданности и, придвинувшись ближе, наклонился к нему, выпучив черные глаза.

– Блефуешь? Только не со мной. Я тебя насквозь вижу. Разговор у нас напрямки выйдет: вернешь слам – выйдешь живой. Не вернешь – не выйдешь. Все просто.

– Мне чужого не надо, маз. А потому, что не щипач я, а налетчик. Ничего не боюсь. Хожу с открытым забралом, можно так сказать.

Шулера загоготали.

– Ты лучше поведай, зачем тебе мой слам? И не оттого, что ты здесь половицы протираешь, что я влез на твое.

В воздухе повисла пауза. Все воровато косились друг на дружку. Кто-то за зеленым сукном потянулся к кобуре.

– Ты проникательный малый.

Ленька встал и нарочито спокойно залез во внутренний карман, достал оттуда сверток, высыпав на стол все содержимое. С какой-то стороны ему было приятно такое внимание к своей персоне.

Белка посмотрел на цапки, потом на Леньку, потом на побледневшего Басса. Дельцы за карточным столом застыли и больше не играли.

Митька Белов спокойно пересчитал добычу.

– А ты правильный малый, – заметил маравихер. Молча подошел к столу, длинными холеными пальцами забрал кольцо и брошку. – Это принадлежит моей жене. Значит, это мое. А остальное твое по праву.

– Простите, что обокрали вашу жену... – виновато промямлил Бенька.

– Ну это ведь совсем другой коленкор, ребята. В таком случае добро пожаловать, что говорится, в семью.

И он протянул Леньке руку в дружественном рукопожатии. Тот сначала отпрянул, но руку пожал.

– Бесо, неси нам чай, – сказал он стоявшему в углу ассору. – Не бойся, не отравлен.

Чай тут же подали в серебряных чашечках. С цукатами в вазочке.

Ленька одобрительно кивнул. Но отказался, чай пил только Басс.

– Как тебя звать-то, «уравнитель»? – нарочито спрашивал маз.

– Имя мое тебе ни о чем не расскажет, – твердо отвечал Леня, сглатывая слюну.

– И все же?... – спросил маз, раскуривая потухшую сигару.

– Леонид Пантелкин...

Маз расхохотался:

– Ах-ха-ха-ха! Пантелкин, говоришь.

В углу все разом тоже прыснули со смеху.

Леня стиснул зубы. И кулаки уже был готов употребить по воровской физиономии.

Но Басс аккуратно потянул его за рукав.

Маз приметил, но вида не показал. «Вспыльчивый, значит. Плохо».

– Играете в белот? – спросил он Басса.

– Не откажусь. – Глаза его блистали.

– Если есть чем отыгрываться. Присядь и отыграйся! – Белка подтрунивал. – А то гостем у меня уже не будешь, навек вон в том кофре схороню.

– На что играть будем? – спросил Басс, потирая трясущиеся руки.

– Решай сам.

– Тогда на скрад этой ночки.

– Принято!

Басс на ватных ногах проследовал к игральному сукну.

– Кто сдает?

Большеротый неохотно ответил:

– Ну я. – И мясистыми пальцами отсчитал ему несколько карт с колоды.

– Три пики! – промямлил Бенька.

– Я пас, – отозвался вислоухий.

– Четыре треф, – подсказывал Ленька другу, заглядывая ему в карты.

– Пиковый валет, – ответил большеротый с акцентом.

Бенька напрягся. Виски застучали, на них выступил пот. Он скрестил ноги под столом и сокрушенно сказал:

– Ой, наверное, мне не в-везет.

– Давай играй. А ты не подсказывай! – рыжий грузин пригрозил Леньке пальцем.

Игра набрала оборот. Каты в руках Беньки шелестели с податливой беззвучностью. Он сдавал их на стол и спешно забирал новые. Потом опять сдавал. Так несколько подходов.

– Туз пик.

– Вах! – раскраснелся рыжий. И кинул на стол свои карты, чуть было не перевернув подсвечник. Поднялся страшный гвалт за зеленым столиком. Слышались отдельные выкрики:

– Как ты это сделал?

– Меня обдурить вздумал, жиденыш!

– Вот это игра!

Когда Митька Белов приблизился к ним, все разом смолкли.

– Стоп, Гога. Парень отыгрался, теперь это твое. – Белка вернул ему сверток и потрепал по плечу. – Ты заходи к нам, покушай, а то дюже худ.

– Я много кушаю.

– Ничего, не объешь меня, я сам кого хочешь покусаю!

Глаза мазов за столиком хищно блестели.

– А ты не обижайся, жиган. Я вижу, ты парень хороший, из наших, понятливый. Вот что я тебе скажу: с такой фамилией тебе в нашей среде делать нечего... Становись-ка ты лучше Леонидом Ивановичем Пантелеевым, – сказал Белка, поворачиваясь к Леньке.

– А что? Звучит, – отозвался Басс.

Ленька многозначительно молчал и все слушал Белку.

– Завтра достанем тебе новые документы. С паспортом новеньким будешь ходить.

По оружию у нас кто, Каха?

– Клим, – ответил большеротый игрок с жутким акцентом.

– Ну что, подтянешься за шпалерами?

Леня одобрительно кивнул.

– Я теперь только добра желаю и от себя добавлю: в блатном мире сейчас сноровка нужна.

Ты же не уличный шармыгал, чтоб слам по улицам мимо постовых таскать, нужен еще и автомобиль. У меня все есть. И люди нужны...

Шулера одобрительно кивнули.

– Если хочешь, дам наводку, где промбронь угнать можно, – продолжал без устали Белка.

Ответа не последовало...

– Ладно, побалакали – и буде. Как интерес проснется, найдешь меня здесь. Адрес знаешь.

За сим все. Бесо, проводи наших гостей до двери!

Когда дверь затворилась, они вышли на улицу, выдохнув с облегчением. Бенька вытянул руку, пальцы его лихорадочно дрожали. Он протянул другу сверток.

Домой шли молча. Точнее, бежали. На хазе Пафнутий давно уже себе места не находил. То и дело пялился из почерневших оконеч кухоньки на порожнюю улицу. Завидев двоих пеших, он тихонько отпер дверь:

– Ну что? Рассказывайте.

– Взял обручальное кольцо и брошь, остальное отыграли. Представляете?!

– Вот! – Ленька высыпал слам на стол. Ноги сделались ватные, он повалился на треногий стул.

– Ну се добрый знак. Тебя приняли, – пояснил Дед, помогая снять верхнюю одежду.

– Нам дали фору? Мы теперь свои? – потирая глаза, спросил разбуженный Варшулевич.

– Будем пить и грабить. В карты играть, – ответил Басс.

Пантелкин смурно глянул на него.

– Я не буду и тебе не советую.

– А мы будем отнимать у нэпманов и раздавать бедным, как бы уравнивая эти две чаши весов...

– Очень интересно, – отозвался молчаливый Варшулевич.

– Да уж, классовый разрыв огромен... – Ленька загадочно улынулся.

– Что-что, будем «грабить награбленное»! – продолжал Басс. – Выпьем-ка за Леонида Пантелеева! Теперь у нас и документики будут!

Собравшиеся загудели.

– Гм, – Варшулевич хмыкнул в кулак. И привстал, повернувшись к присутствующим. Все замолкли. И спешно снял с глаз тонкое пенсне, нервно покрутил его трясущимися руками и опять надел. – Я, товарищи, я предельно рад! И я с вами. Ведь нельзя зарекаться, а я ж не так воспитан. Может час настать, что с голоду и стырить придется...

– Верняк, от суммы да от тюрьмы зароку не давай.

Ленька стоял и молча глядел в окно. Его взгляд был безмятежным. Он словно бы знал исход этого вечера. Исход давал ему новый путь. Все смешалось.

Из общей массы голосов вырывались ругательства Деда и густой голос Беньки. Восторг Гаврикова.

Ленька стал напевать себе под нос:

*Меня били, колотили
В полюшке под елочкой.
Ко мне милка приходила
В юбочке с оборочкой.*

А Гаврюшка подхватил... и все остальные за ним:

*А я на все согласен.
Душою я прекрасен,
Хотя, обыкновенно,
По жизни я варнак.*

– Помирать – так с музыкой. Куда ты, Ленька, туда и мы!

Он крутил толстенный перстень с изумрудом, глянул через него на разбитную компанию.

«Завтра подарю Мими! – пронеслось у него в голове. Воспоминания их прошлой ночи не дали бы ему сомкнуть глаз. – Нет, к ней и сейчас!» Через несколько минут он уже остановился на улице пролетку. Вдали розовел совсем ещё юный рассвет. Кое-где за крышами домов тянулись белые ленты дыма от каминных труб. Усатый возница на дохлой лошаденке свернул уже на Никольскую. «Когда же? Когда?» Мысленно он был уже у нее. Сжимая перстень, он представлял, что заключит ее, сонную, в свои объятия.

9. Кокильяры

Вся компания была уже в изрядном подпитии, когда Ленька с Мими вернулись. Дед, как обычно, задремал, наблюдая за всеми косым глазом из своего дежурного кресла.

Басс третий день уже спаивал Гаврюшку.

Ленька решил сегодня притвориться пьяным. От сивых лиц, тонувших в сигаретном полумраке и алкоголе, тошнота подкатывала к горлу. Он пропускал, выливал водку под стол и внимательно слушал. Внутреннее напряжение росло: «Что ему от нее надо?»

Варшава на сей раз нагусарился и травил Маруську незатейливыми историями. Все будто бы происходило с ним в каком-то странном сне. Ирреальность картины дополнили две помятые рожи, выплывшие невесть откуда из-под дымовой завесы.

Басс подскочил, направил на них новенький браунинг.

– Че тарашисься? Разливай хайло! – Толкнул в спину Басса вошедший незнакомец.

– А вот и наши кокильяры! – крикнул Дед. – Знакомьтесь, это Пан да Корявый.

Бенька, раздосадованный выходкой, побагровел и думал уже шмальнуть. Второй незнакомец подскочил к нему и махом перебил у него шпалер с руки.

– Ты под хмельком волюну не кажи, а то сам с нее укинешь, – послышалось напутственное слово. Басс обернулся и уперся в широченный овчинный тулуп.

Улыбаясь широкой и добродушной улыбкой, на него тарашился детина.

– Привет, я Мишка Корявый, – громко сказал незнакомец Бассу и протянул ему теплую в рукопожатии ладонь. Второй все так же стоял в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, в черном козликовом полушубке.

– Ты чего топчешься, Сашок, заходи!

– В отхожее место надо, – пояснил козлиный полушубок.

Вдруг из занимаемых временными постояльцами апартаментов донесся вопль, будто на живую жилы тянули.

Все переглянулись. В дальней комнате, в тельняшке, рейтузах и кирзачах, розовощекий губошлеп бил проститутку. Девка даже не пыталась биться, лицо ее было в крови, волосы взъерошились. Мореман щедро сыпал ударами и пинками.

– Он сейчас убьет ее! Ленька! Сделай что-нибудь! – Мими прижалась к нему всем естеством, взмолилась.

Ленька не выдержал и, подлетев к обидчику, нанес пьяному пару жестких пощечин. Тот попятился назад, не удержался и грохнулся на пол – ба-бах! – ударившись о дверную косячину.

– Молю, ай-ай, не убивайте! – заскулил постоялец, прикрыв лицо руками.

– Бабу бьют только трусы, – сказал Пантелеев и смачно плюнул большегубому в харю, повернулся спиной, с ухмылкой.

Достав финку из сапога, бросился к Леньке с гневным криком:

– Порежу змея!

Прогремел выстрел. Девки закричали. С потолка осыпалась немного штукатурка, и пошел едкий запах пороха. Ленька взглянул на губошлепа. Он валялся на полу, в том месте, где была голова, алел красный пучок. Он посмотрел на себя. Брюки и кофта были в сгустках крови черной.

«Новые портки запарол», – пришла первая мысль.

Воцарилась мертвенная тишина. Из сортира выбежал в козлином полушубке Пан, размахивая смит-вессоном.

– Что здесь случилось? – Он уставился на Пантелеева, потом на тело в месиве крови, потом на всех остальных.

– Ты фартовый, – сказал Дед, опуская обрез из рук Корявого.

– Спасибо! – Ленька глянул на Корявого, тот тяжело дышал.

– Сам не ожидал.

– Ничего себе ты шамльнул, а еще Корявым прозвали. Да ты же стрелок, «ворошиловский»...

Розовощекий детина трясущимися руками разделся, свесив мутон на спинку, уселся на трехногий стул, тот заскрипел под ним и окончательно развалился. Все разом загоготали.

– Тьфу на вас. – Мишка смущенно отмахнулся.

– Это наш атаман, – заметил тактично ему Варшава.

– Теперь он Фартовый.

Все следили за передвижениями жоака по комнате. Он молча подошел к растрепанной девице. Поднял ее с пола. Снял прилипшие к лицу прядки волос в крови.

– Идти сможешь?

– Да, – прошептала девица, и слезы покатались у нее из глаз.

– Иди. Умойся. Потом подсядешь к нам за стол. – Он придвинул два стула к столу и сказал: – Что же, такой нележкой требой день сей увенчался. А тебе, Миша, еще раз спасибо. – Фартовый придвинул ему новый стул. И налил гакуры.

– Ну это мы... Нет, мне лучше воды, – мямлил Корявый. – Че с трупом будем делать?

– Как что? – Пан встрял. – Распилим – да в мешки. А вы, зазульки⁵, если кому сболтнете, – сказал он девицам, – то сами рыбок кормить в Обводном приметесь.

– Айда, ребятки. – Дед достал топор. Варшава, Гавриков и Пан сволокли труп к ванной.

– Вылазь, шельма! – крикнул Басс.

Девица высунулась из ванной. Кое-где припухшие побои саднили, а вместе с тем придавая романтично-удрученный вид.

– Присаживайся к столу. – Ленька по-братски ее усадил с собой рядышком.

– Как тебя зовут? – спросила строгая Мими. Немножко ревность начала подтачивать ее.

– Валя, – тихо отвечала та.

– В общем так, Валя, ты же хорошая девочка и язычок придержишь за зубами?

Шелихвостка закачала головой.

– Смотри не рассекреться! – ерничал Бенька.

«А она, в общем, даже ничего», – думал Ленька, рассматривая гостью.

Машка перехватила его взгляд и, пригубив вина, нервно постукивая пальчиками по столу, сказала:

– Садись, да не рассиживайся...

– Я скоро уйду. – Гостья взглянула на Леньку широкими глазами лани. Полные губы ее нервно дрожали, покатались слезинки по красивому личику. – Я... вас не забуду.

– Выпей с нами на посошок, што ли. – Ленька подвергался неистовым взглядам со стороны Мими и провел себе по волосам. – Эх. На вот горькой.

Девица махом стопку осушила, утерла рот рукой и потом сказала, глядя на всех:

– Я вам еще сгожусь.

– Это как?

Валька была не из робкого десятка, спиртное придало смелости, она поднялась со стула и сказала:

– Я служу у одних богатых господ. Убираюсь.

– И что с того? – Мими вскинула бровь... – Нашла чем хвастаться.

– Так вот, добра у них немерено. Сама видывала. Вот мой адрес. – Она достала карандаш и на обрывке листа написала свой адрес. Лист протянула Леньке.

⁵ Зазульки – (разг.) девушки.

Тот взял. Но вдруг Мими выхватила лист и демонстративно его изорвала, глядя в глаза сопернице.

– Канай отсюда.

Гостья тихо удалилась. Только у двери она обернулась – Ленька провожал ее тусклым взглядом, та ему подмигнула, и оттого взгляд его загорелся.

Через минут десять труп моремана был утрамбован в матрац, завернут поверх в рогожку, для приличия.

– Так, с этим делом на Обводный. Сложите на санки пару стульев. Вот этот сломанный пойдет. С понтом мебель везем. И все, и дело с концами.

– Так лед же.

– Я ж ведаю, хде прорубь, – возмутился Дед. – Чижики, карманы его проверили?

– Дык к весне труп нечистого ж и вовсе до неузнаваемости...

– Я не про то. Мамон нашли? Мож, деньги были?

– Денег нет.

– Эхх, рыбакам тоже есть надобно, – сказал Бенька, поглаживая рогожку.

– Странноватый ты, Басс, эх странноватый.

Через час, когда все было сделано, компания вернулась к столу, на сей раз заставив новыми бутылками стол.

– Мишка Корявый, – сказал Дедка, показывая Леньке пальцем в бугая. – Это Сашка Рейнтоп – он же Пан.

Тот кивнул одобрительно и поклонился.

– Я понял.

– Готовы помогать.

– А то ж.

– Корявый у нас на Мурманской «железке» трудится, поездушничает.

– Гимаю, так сказать, у зазевавшихся путешественников Раньше был еще и форточником, по малолетке, сейчас разросся. Не могу. А вообще, я охотник.

– Да, профессионал.

«Мишка форточник, забавно», – подумал Пантелеев и улыбнулся.

– Ни-и-икто не жаловался. Гы, – вставил заикаясь Мишка. – Неуловимый я. Мне нет равных, ключник я, любую отмычку за секунды отопру. Тиснул как-то шкатулку тройную, купюрницу, прямо из вагона, пока все спали. Никто и не чухнулся. В ней 125 тысяч целковых было. Новенькими. Гуляли дней десять, – хвастался детина Корявый.

– Сашка Пан, он профессиональный ширмагал (карманник), один из лучших в Петрограде, – продолжил Дед. – Спомянь. Про них сказывал. Да.

– Я вот в перонной суматохе не дремлю, – начал было Пан, заняв первача соленым хлебом. Движения его стали шире, а слова путанней. – Завижу у зазевавшегося нэпмана чемодан. Тот выходит из вагона такой важный, бобер, короче. Толстый дядя в заграничном костюме, такой в шелковом галстуке, в руках два саквояжа. Представили? Пугливо озирается родной, эхма, дабы шо не уперли. А я-то, ясен красен, его уже веду. Я притираюсь к нему и колю острым шилом в толстый бок. Тот визжит, як боров. Естественно, чемоданы свои бросает. И тут я подцепляю эти оба саквояжа и был таков под крики «Держите! Украли!»! А я фю-ить – и нет меня!

– Они тебе еще любую волыну достать смогут. Для твоих ребят, – заметил Дед.

– Ловкость рук, – улыбается Пантелеев. – Пан, откуда сам?

– Как откуда? Говорок не слышишь? Сам я одессит. – И он достал гармонику:

*Я родом из Одессы,
Где все так любят песни,*

С судьбою я свою давно на тет-а-тет!

Ленька сидел скрестив на груди руки, жуя при этом спичку. Потом, смачно выплюнув ее изо рта, произнес:

– Ходят слухи, атаман, что ты новым «уравнителем социализма» сделался?

– Привирают, однако.

– Мы нэпманов, как клопов, хлорофосом выгнать пытаемся. И выгоним с нашей поляны. У нас все общее... – наконец выдавливал из себя Бенька. – У-у-ух! – Грозил пьяным кулаком.

– Ну наконец-то, чижики, вроде вы еще на ногах держитесь, – довольно протянул Дед Пафнутий. – Слажу-ка я за первачом.

– Не торопитесь, Дедуля, – одернул его Пантелеев, скрежеча зубами ему под ухо: – Спить нас удумал? Обскажи-ка мне лучше, на кой сдались мне эти шуры?

Спокойный старик проследовал в свой угол и корявыми пальцами поправил бегунок, календарь показал «25 февраля». Дед разлил крепкий в обе рюмки, достал баранки. Пантелеев нетерпеливо хмыкнул.

– На вот, выпей.

– Не буду.

– И то верно, Ленька. Ладно, лясы просто так точить не станем. Вона тебе! – Тот воровато достал из бокового кармана сверток.

– Что это?

– Маненько денежков от меня в общак! – пояснил Дед. – Здесь еще доля Корявого с Рейнтопом! Да только тшшш! Им ни слова. Пока на мели – в любое дело впишутся, – шептал Пафнутий, обдавая его сивушным перегаром.

– Им что сказал?

– Неважно, нам всем говорить что-то всегда приходится.

– Подъемные? – Пантелеев сначала побледнел, а после резко залился краской, похмурился брови, сгреб все, не пересчитывая. Деньги руки жгли. Да и столько он отродясь не держал. В глазах потемнело.

– Я же тебе как тятя родный, прикипел серденьком! – И глаза Пафнутия внезапно повлажнели от слезы.

Утирая их, он смачно высморкался в пожелтевший носовой платок, с дворянским вензельком на канте.

Леня жадно пригубил из граненого стекла самогонку, потупившись куда-то в пол.

– Интересно живу, скажешь, вроде лешего в ступке. Да только покойники ко мне чаще хаживать стали, видать, скоро примут у себя.

– И мне видятся... – пробубнил Ленька.

– Ох, не к добру это, не к добру, это конечно, но ты не покойнических бойся – от живеньких вся гадость плетется.

«Все верно, нету огонька в душе. Ровно во тьме шарю», – подумал Ленька.

Первач обжигал пищевод.

– Ты что? Не смекаешь, что очкарик седой на маруху твою глаз положил? А Гаврюша под носом самочинит? А этот твой... как там его... Басс Бениамин. Пыль мелкопоместная. На кровные твои у Белки медякует уже небось. Кажись, головушку твою у карточных на кон поставил.

– Та брось... с чужого ковша шибко не напьешься...

– Хорошит чужое счастье! Дык не пробросайся... До поры до времени вы банда, а дальше каждый сам по себе. Перекантуйтесь – и буде: жопа об жопу, и кто дальше упрыгнет. Со жмыхов уж не взыскивай.

– Верно ты темень мою душевную подмечаешь. А в остальном не пыли раньше срока.

– Молодой еще... а мертвецы тьмы не боятся. Ибо вышли с нее. С ними хотя б совет держи, – Пафнутий тараторил тихой скороговоркой ему под ухо, у небритой щеки.

– Вы че тут шепчитесь?

– Ага, и квасят без нас.

В дверях показалось три шатающихся тени.

– Глянь, вона откуда столько деньжищ? – пискнул Басс.

– Ты же у нас бухгалтер, вот и держи кассу, – вдруг выпалил Ленька, сам того не понимая, почему сует Беньке все деньги.

– Ладно! – взвизгнул от радости тот. И больше не было слов. Никто будто бы ничего не услышал.

– Кстати, я еще не поблагодарила тебя за кольцо, – шепнула на ушко Машка Друговейко, пьяно повиснув на шее у Пантелеева.

– Пойдем к тебе, – шепнул он ей.

Варшулевич смотрел им вслед с такой тоской, будто бы его огрели сковородкой.

Долго примеряясь в коридоре, сивый Варшава еще несколько минут раздумывал, как ему поступить, и, одевшись, вышел прочь из злополучной хазы.

Его отсутствия никто и не заметил. Бенька был занят пересчетами аржанов. Гулянья на Ямской набрали оборот и несколько подзатянулись. Чувствовалась весна.

10. У меховика

В марте 1922-го Петроград уже тонул в солнечных лучах, слушая звон игривой капли. От этого настроение у всех улучшилось с приходом весны. Манто и бобриковые шубейки надежно заныканы по гардеробам. На смену им дамы облачались в легкие кремовые пальто аля перформан, их господа щеголяли во френчах на шерсти и плащах со вставками кожи молодых ягнят.

Ленька стоял на балконе с Бассом, любуясь лучами подбирающегося весеннего солнца.

Они ставили пустые граненые то на подоконник, то на стол, перезимовавший на улице не одну зиму. По звуку их голосов, по смеху и медленным неточным движениям было件нятно, что выпили они на славу.

– Помнишь, год назад на Плехановской 39 обыск: меховика одного шерстили? – сказал Басс, потягивая чай в серебряном подстаканнике.

Пар клубами валил из него, играя дымкой в лучинах солнца.

– Как же его звали? Кажется, Бо... Богачев... Да-да!

– И что с того? – Ленька с безверием ухмыльнулся.

– А то, что наводчица есть. Да и мы там все знаем. Засыпемся – пошмаляем.

– Я на мокруху подписываться не стану. – И Ленька сделал широкий жест рукой, закурив «Штандарт».

– Ш-ш-ш-ш! – Басс поднес палец к губам. – Дело не пустое! Дождемся, пока уйдут хозяйева...

Лучи заката розовыми пятнами раскрашивали парадные фасады домов. В широкие двери квартиры на Плехановской 39, на втором этаже, позвонили неизвестные.

– Кто там? – услужливым голоском спросила служанка в белом накрахмаленном чепце и черном шерстяном платье, аккуратно поправляя кучерявую прическу.

– ГПУ третьего отдела РКП (б)! – отозвался голос за дверью.

– Сейчас хозяйева в отъезде! – Она больше не кокетничала, а что-то опустилось в ней вроде и ушло по ногам, остолбенела.

– Гражданочка, откройте, у нас к вам есть пара вопросов! – настаивал голос за дверью.

Бронислава повернула дверной замок на пару оборотов и высунулась половиной лица на лестничный пролет. Напротив стояли трое, один из них, поменьше ростом, сунул ей под нос удостоверение.

– Нечаев, ЧК, нам нужно кое-что передать для Богачева... – с этими словами он достал шпалер из кобуры.

Бронислава успела разинуть рот, как один из них, повыше и покрепче, резко толкнул ее обратно в коридор, приложив ко рту соленую ладонь, шепнул:

– Только пикни, красивая, я тебя быстро в лоскуты закатаю.

Служанка и не собиралась кричать. От ужаса у нее неожиданно пропал дар речи и немислимый холод сковал всю ее. Она стояла как вкопанная, не смея шелохнуться, и покорно дала даже связать себе запястья бечевкой.

На мгновение ей вдруг показалось, что незнакомцы уже были в квартире меховика. Уж очень уверенно они сновали по комнатам, складывая шубы в мешки. Меха было настолько много, что содраны были с кроватей шелковые простынки.

– Глаза опустила, дежурка! – грубо заорал Басс... и закатил Броне грубого леща. – Показывай, где тут цацки! А не то пулю в лоб! – Он швырнул ее на пол и достал кольт.

– Ну-ну, поэлегантнее с дамами, Бениамин, – сказал ему подошедший, тот, что поменьше. И отвел Басса в сторону, у того от ярости блестели глаза.

– Если мы ее здесь порешим, труп уж точно ничего нам не расскажет, правда, детошка? – обратился он к зареванной горничной, убирая мокрую прядку с лица.

Та однозначно качнула головой.

– Знаешь код от сейфовой двери? – продолжал Пантелеев, поглаживая тонкими пальцами серую сталь.

Броня кивнула. Он поднял ее с пола и посадил на хозяйский стул.

– Сейчас я буду крутить диск, а ты давай мне знать, правильно ли я набрал цифру, хорошо? – продолжил ласково он.

У Брониславы брызнули слезы, и она замотала кудряшками из-под чепца.

– Вот и славно... так... семь... здесь девять... здесь что? Ноль?

Тем временем Гаврюшка спокойно упаковывал по мешкам кухонную снедь: фарфор, столовое серебро, платиновые ножи, статуэтки из бивня мамонта, даже нашел там пепельницу с позолотой и самоцветами, чему был несказанно рад, прильнув губами к каменному хладу, он заложил ее в карман пиджака.

Когда сейф был открыт, на свет грабители вытащили пачек сто с валютой, золото и платиновые слитки, золотую диадему, бриллианты крупных карат, векселя и акции доходных мануфактур. Что уж там говорить о мехах.

Довольный Ленька резко скомандовал:

– Закругляемся, братики!

Все потихоньку стали подтягиваться к выходу, волоча награбленное на спинах.

Он подошел к Брониславе и наклонился к ее уху, шепнул:

– Не плачь, детошка! Мы всего лишь свободные художники. И грабим только нэпманский состав. Впрок пойдет, глядишь, схуднут! – Ленька посмотрел в ее большие коровьи глаза, проведя указательным пальцем по щеке с влажнеющим следом слезы. – Он тебя обижает?

Броня закивала.

– Теперь не будет, уж мне поверь! – И он страстно поцеловал ее в кляп, и сразу направился к выходу.

Служанка еще долго не могла прийти в себя. Ей было обидно в первую очередь за себя и за то, что теперь она потеряет работу. Еще она оплакивала хозяйские вещички, но этот кареглазый мужчина еще долго будет снится ей ночами.

Тогда было похищено на очень крупную сумму. Дербанили слям на Ямской. Подельники ликовали. Только Пантелеев сидел в сторонке и с мрачным видом курил любимые сигареты «Штандарт».

Потом не спеша подошел к столу, сказал своим сообщникам:

– Чего радуетесь? Всего фунт дыму взяли-то. – На душе не было удовлетворения, а какая-то совесть злой кошкой все скребла изнутри.

– Да как же это? Нам хватит, заживем!

– Вот вопрос: надолго ли? Опять по кабакам да по бабам? Предлагаю скинуть меха через Белку, табаш заложим в общак. Кстати, как он там поживает?

– Да ниче... – Бенька выпучил глаза от неожиданности. На лице проступили капельки пота.

– То-то, – сказал главарь.

– А рыжье?

– Рыжье здесь скидывать не станем. Схороним в тайнике. Позже сплавим по «железке» в другой город. Там верняк.

– Не суди строго, атаман, дело молодое, гулять охота... – процедил Гавриков. Сам держался уже было за бутылку с игристым.

– Сейчас не время.

Гавриков, с затуманенным от негодования, взглядом и было потянулся пальцами к сапогу, где был спрятан острый резак.

Фартовый заметил неверные движения и подозвал его жестом.

Митька нехотя поднялся. Все наблюдали. Фартовый одним ловким движением вытащил у него тесачок и приставил его к горлу.

– Че? Хроманул маненько, Баловник. Что ж, правилку пропишем.

– Тебе показалось, Ленька. – И Митька по-детски разрыдался.

Пантелеев со всего размаху двинул ему в челюсть.

– А вот тебе за кривду, – процедил он.

Гавриков упал на пол, цепляясь за атаманские сапоги, пополз, захлебываясь кровью и слезами.

– Прости, хозяин. Глаза голодные бес попутал.

– Да, кстати, кто навел? – спросил Ленька, деловито стирая с пальцев кровь. Не хотелось пачкаться.

– Валентина Цветкова, уборщица ихняя, – отвечал Гаврюшка.

– Кто?

– Ну помнишь, спасли-то ее, – сказал бледный Басс.

– Ах, да.

«И дюже хороша», – думал Ленька.

– Тогда возлагаю на тебя передать ей это! – И он отложил в сторону черное платье, шелковый костюм, три манто и шубу.

– Губа не дура, – цедил Гавриков.

– Где живет?

– Живет на Эртелевом переулке, дом 8, – пояснил Бенька.

– Тогда я сам ей отвезу «подарочки».

11. Инспектор

Каждый день ему приходилось подниматься по длинной каменной лестнице угрозыска Петроградского ГПУ, проходя по длинным коридорам, мимо зала ожидания, который в простонародье окрестили «отстойником».

Там постоянно томились какие-то люди, ожидающие, когда их вызовут на допрос. Некоторые из них были весьма жалкие и с удрученным видом, обшарпанные скамьи и стены придавали колориту общей атмосфере, которая в заведении, так сказать, располагала тихо свернуться калачиком в углу. Время, проходящее в ожидании допроса, медлило. Очень часто в комитет впархивали разнузданные купчики или расфуфыренные марухи. Кто-то из посетителей вообще читал газету, а кто-то, притулившись к стенке, за всеми боязливо наблюдал, как ерусалимец у Стены Плача. А кто, напялив конфедератку на глаза, просто дрем. Одни скандалили, даже не присаживаясь, наивно полагая, что вот-вот двери пред ними распахнутся и их примут «по-срочному». Видели бы вы их спустя три часа ожидания. Они тоже примострячивались с удрученным видом, и вся их разодетая фигура вызывала не более чем жалость. Сотрудников этот своеобразный проход меж ожидающих выводил из себя, они называли его «оперативной зарядкой».

Так начинался каждый трудовой день каждого инспектора ГПУ.

Только он, Сергей Кондратьев, был всегда невозмутим и спокоен. Кто-то мог его упрекнуть в безэмоциональности, что же, тем хуже для них.

Кондратьев просто был всегда спокоен. Прямолинеен. Серьезен.

Многие его даже побаивались.

«Пора на службу!» – говорил он себе каждый раз в пять утра, умывался, завтракал и выходил из дому. Соседи многие знали его:

- Эвон, Кондратьев пошел.
- Это ж не он. Он перебрался уже в Москву.
- Да как не он-то? Вон в галифе, картузе, с кобурой...
- А точно он. Опрятный-то какой...
- Здравия желаю, Людмила Никитична!
- Здравья и тебе, сынок! Надо же – улыбнулся!

Улыбнулся? Разве что полуулыбкой. Редко смотрел в глаза. Боковое зрение развито было профессионально. Ему было достаточно одного полувзгляда, чтобы сказать о человеке если не все, то многое.

Проницательный и безразличный взгляд серых глаз сейчас смотрел вперед уходящему в горизонт петроградскому небу. Хоть и весеннему, но затянувшемуся смурными тучами.

Он шел стремительной и уверенной походкой по Комиссарской. Прошел через «отстойник» на втором этаже:

- Здрасьте!
- Здравия желаю!
- Здравствуйте! – Сергей Иванович не настроен бы к диалогу. Прошел. Отделался дежурным кивком.

Не обращая ни на кого внимания, он погрузился в раздумья.

Что-то подсказывало ему, что на кону крупное дело.

Наливая себе черного чая из запарника, ожегся. И глянул из окон своего кабинета на улицу.

- Странно, на улицах ни души. А у нас битком, семь утра, уже набежали.
- Какой, – ответил Шуляк, – уже с шести толчею разгоняем.

Потом сел за рабочий стол, не успев поприветствовать всех присутствующих коллег.

В кабинет влетел раскрасневшийся от волнения Симкин!

– Всем доброго здоровья! – отрапортовал он и кинул на письменный стол свежий номер «Красной газеты».

– Новый налет!

– Кто вести назначен? – любопытствовал Шуляк.

– Пока неизвестно... – И Кондратьев медленно протянул руку крепкому рукопожатию. Зашел Суббоч, буркнул что-то невнятное себе под нос, полез в бюро за документами.

– Что? Не в духе? – спросил Сергей Иванович, не отрывая глаз от газетного шрифта.

– Лютуешь?

Там красовалась свежая полоса с громким заголовком: «Банда Фартового – новый налет! Куда глядят инспектора?»

– Писаки, будь они не ладны, – прорычал Кондратьев.

Он раздраженно встряхнул газету и пробежал дальше глазами по строкам: «Зверское убийство 21-летней Оделии Гежинской, девицы-демимонды – кокаинистки, наконец-то раскрыто».

– Раскрыл все же дело той «аристократочки»? – спросил Шуляк, черные глаза его заблестали.

– Обижаешь, Василий Федорович.

– Как размотал?

– Нашли части, расчлененные на Пороховых, сняли рогожу, там газета...

– Ну...

– На обороте фамилия подписчика этой путевой газеты: «Карамыгин» – чернилами. Вышли на местного путевского инженера. Пришли к этому хмм... ловеласу. А дома – улика: золотой кулон с инициалами «О. Г.». Я его спрашиваю: «Зачем убил?» А он мне, мол, я ее любил, поэтому убил. Так что от правосудия никто еще не уходил, Василий Федорович.

– А ты уже в курсе? – спросил его Суббоч.

Раздался звонок телефона внутренней связи:

– Аллю! Кондратьев? Ребята, пулей ко мне. Да, да, и Симкин, и Шуляк...

– Петержак?

– Он самый.

– Значит так, ребята, вот дела. – Начальник положил на стол несколько папок. – Какой-то Пантелеев объявился. Надо его разыскать и забрать. Вероятнее всего, не один, а с шайкой.

Кондратьев взял бумаги, впорыв взгляд в машинописный текст.

– Хмм, без мокрухи, в благородного играет...

– Леваки-эсеры очень часто под маской политиканства скрывают обыкновенный разбой! – заметил Суббоч.

– Согласен! Они по началу все за идею, да только все равно потом в крови пачкаются.

– Главное, ты погляди, какая дерзость: оставляет всем карточки, мол, свободный художник Леонид Пантелеев! – Петержак вскинул указательный палец вверх.

– Славы ищет, – заметил Кондратьев.

– И не только, – добавил Шуляк.

– Среди бела дня?! При хозяевах практически... – сокрушалось начальство. – Так! Надо поймать.

Оперативка закончилась. Все разошлись по кабинетам.

«Что-то здесь не так?» – закралось в Кондратьеве, он крепче сжал папку.

Мысли его были теперь только что о Ленке Пантелееве и его банде.

Он вышел на улицу. Закурил. В голове уже были некоторые догадки: «Преступники знали, куда шли: хозяйева им открывали двери. Они прекрасно ориентировались, так как в квар-

тире погрома не обнаружено. Значит, они уже знали расположение тайников. Значит, есть наводчик. Наверняка и не один».

– Здорово, начальник, – ядовито прошипел мимо идущий ширмагал с конвойными.

– Иди-иди! – те подтолкнули его прикладами в спину.

Вдруг внимание инспектора привлек жалобный скулеж. Это вывело его из раздумий. Звуки участились. Сергей Иванович прошел вдоль управления, завернул за угол – никого. Вернулся, опять прикурил. Опять скулеж. На сей раз где-то из-под земли. Сыщик обошел здание, наклонился – что-то есть, запах падали. Полез в подвал, да зацепился за гвоздик. Треск.

– Ах ты ж, любимая рубаша пропала!

Во тьме и сырости он разглядел абрис дохлой дворняжки. Рядом с ней скулил голодный щенок. Наверняка остальной помет уже разбежался. А этот преданно ждал. А чего ждал?

– А ты чего не ушел? Смерти, што ль, дожидаясь? – спросил, поднимая щенка на руки, Кондратьев. – Кобель, значит.

Он погладил пушистого. Щенок облизнул его руку. Кондратьев завернул в пиджак пушистого и вернулся в управление. В кабинете его дожидался Шуляк.

– Василий, смотри на «новобранца».

Кондратьев выпустил щенка.

– Молочка бы...

– Сергей Иванович, ты ли это? Зачем зверя приволок?

– Поживет у меня, пока не окрепнет, а потом видно будет, может, отдам в служебное собаководство, – ликовал Кондратьев.

– Ох, смотри, напрудит тебе ушастый, будешь знать.

– Не напрудит. Я назову тебя Завет, – радостно сказал Кондратьев щену. Тот уткнулся мокрым носом в его ладони.

– Завет, Завет, дай лапу, дружок.

Щен положил лапу на руку инспектора.

– Вот увидишь, не одно дело раскроем с ним! Вот что я скажу, Василий. Здесь по делу Леньки Пантелеева без науки, ох! не обойтись.

– Из кого группу сформируешь? – спросил Шуляк.

– Из самых сильных, Василий, из самых сильных.

«Изо дня в день люди живут, совсем не замечая, что где-то рядом уже существует опасность. Петроград – город призраков. Странно, с одной стороны, он скрывает в своих каменных закоулках опасных для общества элементов, с другой, дает нам шанс их разыскать», – думал Сергей Иванович. Они вышли с Заветом на улицу. В лицо дунул резкий ветер с залива. Мерцающая луна с бледным светом хозяйничала на темном небосклоне. Быстро бежали по черному небу призрачные волокнистые облачка.

Ветер дул с такой силой, что у него перехватило дыхание и кровь застыла в жилах. Порывы пронизывающего ледяного воздуха, казалось, смели с улиц всех прохожих. Ему показалось, что он не видел никогда прежде эту часть Петрограда столь пустынной, город-мираж, город-туман. Кровавый город.

«Когда-нибудь закончится это смутное время?» – спрашивал он себя.

А вместе с тем ему хотелось, чтобы все было вокруг совсем иначе; никогда он не испытывал острого желания видеть и чувствовать людей, поскольку Сергей Иванович не мог отделаться от мучительного предчувствия какой-то беды. «Интересное дело! Мне нужно исключительно дело!» – часто повторял он себе.

Колодезный двор оказался весь продуваемый сквозняками. Посредине его Сергей замер в легком оцепенении. Завет густо зарычал на кого-то невидимого. Они будто бы стояли на изломе времен. Сыщик и собака. Призраки прошлого всплывали отовсюду, из темных дворов, тянулись к ним, умоляя о помощи. Мечущиеся тени «Кровавого города». Свидетельни-

цей им была лишь луна. Сейчас она косилась на всех проклятых своим одноглазым оком. Ее суровое пламя обжигало их души.

Кондратьев чувствовал их боль на себе, в сердце его неистово заколотилось. Он поймал себя на мысли, что ему невыносим этот мир полный бед и страдания. Он должен остановить бандитский произвол. Навести прядок.

Звезды уже сияли на чистом небосводе, умиротворились.

«Настанет время – и в обществе не будет места преступнику, а для преступления повода! – думал Сергей. – Какой ценой?» – пронеслось у него в голове. Будто кто спросил грустным басом.

– Ценой жизни! Свою не пожалею! – сказал он вслух.

«Ценой многих... жизнью», – стал ответ.

Сергей Иванович еще постоял немного, погладил Завета. Они пошли домой.

Черный силуэт выплыл из ниоткуда, и сиплый голос спросил:

– Дашь закурить?

Ленька вздрогнул, то был Белов.

– Что, совесть заела?

– Фу ты, Белка, испужал!

– Че мутишь?

– На звезды люблюсь...

– Ну-ну, смотри шею не сломай, на звезды пялимшись... я в твои годы тоже пустяковиной маялся.

– Для меня это не пустяк, – огрызнулся Ленька, наблюдая за витиеватым танцем дыма папирос. – Хочу завязать, может, не мое это...

– А, вот оно что? А чем заняться удумал?! Какой пригодностью наделен? – не дожидаясь ответа Белый закашлялся.

– Не знаю, выходит, с «поезда» и не сойти мне... – растерянно ответил Ленька.

– А ты как думал?

– Нечестным путем к нам деньги эти приходят... и уходят так же... глупо все.

– Как, Леня?

– Никакими высокими целями мы наш разбой не оправдываем... Вся наша добыча то и дело уходит на продажных женщин, пьянство или марафет.

– Это всегда так, Леня. Волк не может есть траву. Если ты живешь в «этом», знать, «это» в самом тебе.

Белка замолчал. Видимо, обдумывал дальше речь наперед.

– А тебе известен кураж маза? Когда до последнего вдоха готов убивать, крошить, душить, дабы завладеть и отнять «награбленное»? Думаешь, я с тобой церемонюсь из-за того, что скрад делим? – Маз рассмеялся. – Не могу я спокойно смотреть на жизненную несправедливость! Ну тошно мне от одной мысли, что у них все, а у меня шиш! Мы с тобой справедливости ради тот мир меняем, Ленька... А что нам силу дает, знаешь?

Пантелеев долго молчал.

– Прав-да! Правда нам силу дает! На нашей она стороне!

Они постояли еще немного на улице.

– Пойдем, что обскажу, есть маза...

Зашли в злачную парадную близ Сенного рынка, на Таировом дом 3. Там собиралась шумная компания, праздновали успешно сбагранный слям у меховика.

И на блатной малине стоял дым коромыслом, рекой лился самогон, и марочные вина пьянили испарениями в бокалах. Кто-то с азартом резался в карты. Пьяная Машка, как умела, пела залихватскую песню:

*– Прозвенели три звоночка, и затихло все вдали,
А чекисты этой ночью на облаву к нам пошли,
Оцепили все квартиры, по малинам шелестят.
В это время слышно стало: где-то пули просвистят.
Как на этой на малине мой Фартовый отдыхал,
Леня, Ленечка, родимый – звуки те он услышал...*

Ленькина маруха отплясывала. Задирали бархатистое платье, оголяла то одно, то другое плечико, вызывая тем самым к своей персоне недюжинный интерес. Потом заложила пальцы в рот и засвистела. Оступившись, попятилась, завалившись на мазурика. Потом пила на бру-дершафт с Варшавой. Тот сидел в ее лисьем манто, густо раскрасневшийся, играл на баяне. А в дверном проеме стоял Леня, скрестив руки у себя на груди. Взгляд у него был страшный. «Ну что это такое?!» – думал он про себя... Когда Мими обернулась, он только пригрозил ей кулаком.

– Любимый! – нежно шепнула она Ленке, увлекая за собой.

Они лежали в постели и курили. Мими начала очередной рассказ. Леня не слушал ее больше. Его мысли занимала маленькая страстная Валя Цветкова, наводчица.

«Наверное, нам пора расстаться, Мими», – чуть было не сорвалось у него с языка

Полился пьяный монолог: опять про великосветского доктора, так-сяк, тот, мол, задумал развестись, а потом на ней жениться. И что хоть не встречаются они две недели как, но наверняка он весь в тоске, очарован ею.

«Валя хорошая бабенка».

– А каждый день цветочки мне шлет, красные пионы.

– Какие еще шпионы? – аж передернуло Пантелеева.

– Ты меня слушаешь?

– Угу.

– ... а на квартире он еще и практикует.

– Ты говорила.

– Намедни прислал мне камешку с бриллиантами. Вот, погляди. – И она потеряла блестящий подвес ноготками.

«И эта туда же. Все вы, бабы, видать, одинаковы».

Мими наблюдала за реакцией Ленки. Он уставился на нее безразличным, холодным взглядом, затем молча потушил сигарету о серебряную пепельницу и повернулся на другой бок.

– И что? Ты ничего не скажешь?

Она стала терзать его за плечо.

– Разберемся мы еще с твоим «фармакопеем»!

– В каком смысле? Что ты собрался делать, Леня?

– Разговор окончен. Ложись спать.

«Завтра проследим за твоим докторишкой», – подумал Пантелеев и с этой мыслью уснул.

12. Недобитый аристократ

Доктором Грилихисом называли преклонных лет интеллигента в очках, с огромным носом. Среди соседей в доме на Большой Морской пользовался доверием и уважением. Все знали, что к доктору ходила лечиться теперь вся элита Петрограда. Так, могли постучать и позвонить запоздалые пациенты и среди бела дня, и поздним вечером.

Доктор Грилихис был целиком и полностью убежденно ярым поклонником и служителем богини Гигиены. И в кабинете, где он вел приемы, стояло много пузырьков и склянок с микстурами, разного рода порошками, коими он щедро одаривал своих страждущих хворобцев за миллионы рублей.

Жена его, Марта, была весьма упитанной, но активной особой. Постоянно улыбалась и подбадривала своим свежим и опрятным видом всех остальных.

Хозяйство она вела рачительно. И горничная их постоянно что-то да убирала под недовольное фырканье Марты. Дело в том, что госпожа Грилихис заставляла бедную постоянно смахивать пыль, причем там, где ее и в помине не бывало. Однако Марте виделась кругом пыль, и пыль, и еще раз пыль!

Таким образом, доктор творил в атмосфере полной стерильности и единовластия.

Он жил в неге и довольстве, обласканный, словно молодой теленок.

Марта потчевала его кухонными шедеврами, над ними трудился сам шеф «У Дофина». Стол украшали и спелая ароматная дыня, и свежая рыба, только что привезенная с Сытного, ягненок под стопамятным беарнским соусом, и откормленная пулярка в виде фрикасе, и превосходный дымящийся картофель а-ля рюс. В дополнение к этому ежедневному рациону доктор выпивал полбутылки прекрасного семилетнего Cote-Rotie. А госпожа Грилихис пригубляла шартрез под недовольное пыхтение мужа.

И так, он смотрел равнодушно из-под золотого пенсне на всех обитателей своего дома. Так было изо дня в день за обедами, ужинами и прочими семейными заседаниями на свою изрядно старившуюся супругу, краса которой, словно роза, сбрасывала лепестки на его глазах.

Иногда он беспощадно колотил кулаком по столу, требуя от Марты невесть чего, гневаясь по всяким пустякам.

Тогда Марта надевала маску святой наивности, на лбу выступали испарина и две борозды морщинок, выдававшие в ней волнение. Но полуулыбка все равно украшала ее кругленькое личико.

Она поправляла тронутые живыми сединой волосы. И отправлялась на кухню ждать «смены погоды», отсиживаясь там часами, как загнанная мышь.

Таким образом, брак их зиждился только на благочестивом терпении жены и не давал трещины лишь потому, что Марта целиком и полностью положила себя на жертвенный алтарь супружеского долга и фармакопеи, которую ревниво исповедовал ее муж.

Но все изменилось, во всяком случае, так начинал считать доктор, принимавший у себя одну молодую особу – Марию Друговейко-Левицкую.

Доктор находил в ней весьма приятный и симпатичный, даже красивый, тип женской особы.

Необычайно цветущая и здоровая с виду брюнетка теперь занимала все его мысли. Он даже отложил свой многолетний труд по медицине под кодовым названием «Гран Фарма», обрывая свой труд на полуфразах.

И теперь между приемами из комнат он вовсе не выходил к домочадцам, все больше стараясь прогуляться по набережной Екатерининского канала один или в компании молодой пациентки.

В компании Мими он будто молодился на глазах. Ее игривый нрав и спесь внушали ему полнейшее доверие. Животное довольство и простота, с коей Марьюшка ела, пила шампанское и ронское вино, все более очаровывали доктора.

Как Мари улыбалась, кокетничала, распаковывая незатейливые его подарки. Все влюбляло в ней научного светила.

Хотя не было общих тем у них для разговоров, и доктор все больше молчал. Зато любовница в его обществе тараторила без умолку. И это доктора чрезвычайно занимало. В конечном итоге все его мысли занимала не медицина, а молодая особа. Доктор от подобных смятенных чувств даже скинул в весе. Однажды обнаружив, что влюбился, он решил окончательно уйти от жены. В голове вольнодумца свербел один вполне естественный вопрос: а где же они будут жить с Мари? Квартирка-то казенная. Тогда проносились шальные мысли о том, что следовало бы сплавить куда-то и без того надоевшую Марту. Но как? И куда? Эти самые вопросы, так больно терзавшие его весь весенний вечер, и вечер до того, ровным счетом никакого выхода не имели. Напряжение нарастало.

Сказать обо всем любезной жене он так и не решился за очередным роскошным ужином. Не притронувшись к еде, он отправился в свои покои, сославшись на «недомогание».

Был уже поздний час, около десяти, наверняка жильцы уже все спали и доктор бы не открыл. Но открыла Марта, госпожа.

Для того чтобы отвести подозрения и не привлекать внимание постовых, было решено пойти втроем, один как бы разыгрывал раненого, двое других должны были ему помогать идти. Для этого группа злоумышленников устроила маскарад. Ленька забинтовывал себе руку, Пан макал бинты в красные чернила. В темноте ранения выглядели удручающе. Пан нервничал: у него была дурная привычка – постоянно грызть ногти. Поэтому в красном измазался и сам он. Все было более чем естественно.

Итак, Марта Грилихис доверчиво открыла дверь.

– Подождите, Марк Самуилович, вас сейчас примет. – Но, не дождавшись ответа, повернулась было по направлению спальни мужа, как вдруг сзади щелкнул взведенный курок.

– Мадам, ведите нас прямо в вашу сокровищницу. Спорим, и для нас найдутся там богатства, – указал Ленька.

Хозяйка дома остановилась как вкопанная. Она не знала, как ей поступить. В коридоре показалась головка работницы в белом накрахмаленном чепце. Служанка при виде мужчин с пистолетами завизжала, как свинья на скотобойне.

На шум вылез сам Грилихис. Растирая припухшие от бессонницы веки и водрузив очки на нос, ахнул!

– Кто ви, господа?

– Вам привет от Мими! – негодуя прошипел Ленька, увидев тщедушного старика.

«Еще и спала с ним, шкура!» – Фартовый прищурился, в голове у него всплыла непристойная сцена. Он вспомнил Мими, такую игривую, прошлой ночью, ее упругие изгибы – и рядом вот такого старика, с трясущимися руками и дряблой плотью. Хоть и облаченный в шелковую рубашку и атласный халат, он смердел старостью и тленом.

– Я вас не понимаю, какой «Мими»? – И Грилихис уставился на него своими маленькими бесцветными глазками.

– Еще как! Любишь молоденьких бикс, папаша?! Мария Друговейко. Фамилия о чем-то говорит?

Доктор стал пунцовым от испуга.

– А вот это сейчас полюбишь?! – И, не сдержав ярости, он треснул старика браунингом наотмашь. Тот повалился на пол, захрипев.

– Бей в доску паскудника! – заорал Пан.

– Пойдите! – Вдруг оторопевшая Марта вскрикнула. – Забирайте все, что хотите, и уходите отсюда. – Она показала рукой на несгораемый шкаф подле зеркала. – Цифры: 4, 9, 7... – Марта вымолвила эти цифры, сжала губы и, побледнев, оперлась одной рукой о стенку, другой схватилась за сердце, будто бы оно готово было выпрыгнуть из груди, а она его придерживала.

– Что вы? Госпожа... – завопила служанка, но не успела завершить фразу, ей связали руки, а рот по традиции заткнули кляпом.

– Да я сейчас милицию вызову! – запищал Грилихис уже без акцента. – Да как вы смеете, сволочи!

Фартовый рассвирепел. Он начал обильно покрывать лицо и голову доктора тяжелыми ударами. Тот тщетно прикрывался окровавленными руками. Они на глазах превращались в инородное месиво. Доктор терял уже много крови и был уже без сознания.

Звуки смешались. Они невероятно растягивались, а потом резкий хлопок. Все смеркло. Ничего не осталось.

Марта, до смерти любившая своего супруга, подползла к его окровавленному челу, когда грабители ушли с доверху набитыми сумками. Рядом валялось разбитое золотое пенсне. Тело доктора уже давно остыло.

Марта начала нежно гладить супруга по голове, по волосам с запекшейся кровью, которая склеила их и уже высохла.

Госпожа тихо запела, покрывая поцелуями лицо мужа, как вдруг в ее груди что-то сильно случилось. Сердце будто бы сделало несколько оборотов в невесомости, пронзила острая боль, словно ножичек, складной и острый, впился, в глазах зарябило, зажгло и разом оборвалось.

Из глаз горничной градом лились слезы, когда та пришла в себя. Она выла изо всех сил, пытаясь избавиться от кляпа и веревок. Бесплезно, просто бессвязно мычала. Через некоторое время неладное заподозрили соседи. Когда они ворвались в квартиру, несгораемый шкаф был открыт, а все имеющиеся в нем драгоценности исчезли. В углу лежала связанная домработница и хрипло мычала. Посередине комнаты на желто-голубом ковре в стиле Луи Катормэ лежал в луже собственной крови доктор. Он был так мал и беззащитен, словно младенец. Его обнимали окоченелые руки госпожи.

13. Белая Чума

Яшка Вольман сидел в основном за спекуляцию. Неоднократно его пытались «перекрывать» в исправительных учреждениях. И по-видимому, безуспешно. Последний раз его завербовали и отпустили.

Вольман опять принялся за старое, да поразмашистей.

Его любили во многих компаниях. Особенно он ценился еще и потому, что мог достать практически любой наркотик.

Гашиш у него был отличного качества. Его предпочитала больше дворовая шпана. В основном поставлял он ее им в самокрутках. Просил недорого за «баш». Морфин, кокаин, опиум – вот неполный список того, что мог раздобыть Яшка Белая Чума.

А называли его так за серо-белые как бы навывкате рыбки глазищи и бледную кожу при том. Вид у Яшки был, мягко говоря, далеко не презентабельный, болезненный. Однако на это мало кто обращал внимания. Белого Чуму ждали все.

Порою, после налетов, внешняя обстановка банды угнетала и ее атаманов. Да мало ли бомондов, демимондов пыталось забыться в наркотическом плену. Мазы разных мастей были не исключением.

Хотя многие просто предпочитали крепкий алкоголь, несмотря на моду. И во время «сухого закона» страждущих, как ни странно, становилось все больше, как, впрочем, и самого алкоголя. На всех хватало.

Водка теперича забвения не приносила и Фартовому. Захотелось испробовать чего-то эдакого. С Яшкой Вольманом зазнакомились через Белку, и вот как это было. Гудели теперь все чаще у «самочинщика», как всегда, на хазе у Белки, близ Сенной, собралась большая компания. На сей раз бандиты отмечали очередной успех и меж собой делили добычу, состоящую, представьте себе, из платины, бриллиантов крупных каратов, колье и перстней и иностранных банковских билетов.

Фартовый мурлыкал с новой пассией, Цетковой, Басс, Корявый, Лидочка и Гаврюшка, Варшава, Климаков плюс банда Ваньки Белки – все пили и гуляли. Человек полста.

Шампанское и водка текли рекой. Под гитару пели песни. В минуты досуга играл на баяне Варшава. Корявый пиликал на гармонике, кто как мог развлекал блатных. Вот такой музыкальный ансамбль случился, и, пользуясь всеобщим разгулом, Варшава подсел к развязному Леньке.

– Фартовый...

Тот не обращал на него внимания.

– Фартовый! – На сей раз Варшава налил себе стопку для храбрости и потрепал его за плечо.

– Ну что тебе? – спросил атаман, отрываясь от Валькиных целований.

– Фартовый, отдай мне бабу... – В голове Варшавы загудело.

Тот свел брови.

– Безобразничаешь, мазута?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.